

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

*Перевод
Сергея Козлова*

Марк Твен

Приключения Гекльберри Финна

«Издательские решения»

Твен М.

Приключения Гекльберри Финна / М. Твен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936152-3

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова бессмертного романа Марка Твена (Сэмюэля Клеменса) «Приключения Гекльберри Финна». Удивительный.

ISBN 978-5-44-936152-3

© Твен М.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	9
Глава III	13
ГЛАВА IV	16
ГЛАВА V	19
ГЛАВА VI	22
ГЛАВА VII	27
ГЛАВА VIII	31
ГЛАВА IX	38
ГЛАВА X	41
Глава XI	43
Глава XII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Приключения Гекльберри Финна

Марк Твен

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Марк Твен, 2020

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2020

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2020

ISBN 978-5-4493-6152-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I

Вы ни черта не знаете обо мне, если вы не прочитали книгу под названием «Приключения Тома Сойера»! Но не важно. Эту книгу написал г-н Марк Твен, и он сказал правду, в основном. Были вещи, которые он высосал из пальца, но в основном он сказал правду. Это ничего! Я никогда не видел таких, кто бы никогда не врал, ну, за вычетом тети Полли и, может, ещё вдовы, или, может быть, Мэри. Тетя Полли – это тетя Тома, Мэри, и Вдова Дуглас – это про них рассказано в этой книге, которая в основном излагает всё правдиво, правда, с некоторыми косяками, как я уже говорил. Теперь про то, как эта книга заканчивается: Том и я нашли деньжата, которые грабители прятали в пещере, и это сделало нас ух какими богатенькими. Мы получили по шесть тысяч баксов на рыло – и всё звонким золотишком. Жуткая гора денег, вырви мои глаза, если вру!! Ну, судья Тэтчер, молодчина, он взял их и положил на счёт, и он приносил нам доллар в день. Сумасшедшие деньги! Каждый день круглый год – мы получали по доллару в день, и даже не знали, что с ними делать. Это ведь всю голову сломаешь, пока надумаешь, куда можно истратить такие деньжищи! Вдова Дуглас усыновила меня, и принялась отёсывать, как будто я библейский святой какой, и уже наострил лыжи в райские кущи, к Давиду и Голиафу, но мне жизнь у неё совсем не понравилась, она всё время донимала меня своими нудными придирками и нотациями – терпеть было тошно! Меня от её мерзкого голоса просто выворачивало наизнанку! Как будто дверь несмазанная скрипела! Кр-рр! Кр-рр! И я не выдержал такого и сбежал от неё. Я снова нацепил свои старые тряпки, намотал обноски и снова залез в мой сахарный бочонок. Красота! Некоторые думают, что если ты в бочке живёшь, так ты уже совсем как Диоген! Я не спорю! Диоген бы меня точно одобрил! Говорят, он был мировой мужик! И, скажу по чести, я был свободен и доволен, как никто! Но Том Сойер как-то подкараулил меня у дровяного сарая и сказал, что он собирается создать банду разбойников, каких ещё свет ни видывал, и я могу к ней присоседиться, если вернусь к вдове и стану более уважаемым ниггером. Поэтому я вернулся. Вдова кричала на меня и обзывала меня бедным потерянным ягненочком, и утерянной бандой Моисея. Она также называла меня многими другими именами, хотя зла она мне никакого особого не желала. Она снова дала мне новую одежку, и я только и делал, что потел и томился в ней, потому что вещи эти были все такие тесные, как чёрт знает что! Это были какие-то вериги, а не одежда! Ну, тогда старая бодяга снова и завертелась. Вдова трезвонила за ужином в свой проклятуший колокольчик, и вы должны были успеть ко времени. Когда вы добирались до стола, вы не могли просто сесть и пожрать, что там навалено, но вам всё время приходилось ждать, пока вдова не опустит голову и не начнёт ворчать и бормотать что-то над едой, хотя с едой ничего при этом не происходит, хотя кормила она ничего, хорошо кормила, если не обращать внимания на то, что всё готовилось отдельно друг от друга и имело такой же вкус, как подмётка старого вареного башмака! В бочонке разные объедки и огрызки стоит как следует перемешать, так они такой сок дают, только глотай на здоровье! Цимус-мед-компот! А это что такое? Гадость какая-то! После ужина она достала свою толстенную книгу с засаленными застёжками по углам, и шмяк её об стол, и потом, недолго думая, стала что было сил просвещать меня об этом Моисее, храни его господь, о всех этих бесконечных проклятуших тростниках, корзинах и всякой всячине и всякой такой ахинеи, и я весь взмок, пытаюсь разузнать о нём всё, и выяснить, чем там вся эта мутная канитель закончилась, но тут она какого-то ляда ляпнула, что этот Моисей, ха, помер, оказывается давным-давно, и я тогда уже больше не волновался о нём, потому что меня мертвецы вообще не волнуют! Не колышат вообще меня эти трупы! Плевать я хотел на них с самой высокой колокольни!

Довольно скоро я захотел курнуть, и спросил у вдовы разрешения покурить. А она не разрешила. Вот тебе бабушка и Юрьев день! Тут она завела шарманку, что это для маленького

мальчика обычная дурная привычка, и к тому же гадкая, тем более у маленького мальчика таких не должно быть, и я должен стараться не делать этого впредь. Так бывает с некоторыми людишками. Они берутся за дела, в которых ничего не смыслят. Вот она всё пеклась о Моисее, который даже не был для неё роднёй, и кому он был нужен, если он давным-давно кони нарезал, а тут, видите ли, стала меня обвинять за то, что мне иногда покурить хочется. Табачок-то она сама нюхает втихаря, что скрывать – я видел – и ничего, не ругает себя за это! Её сестра, мисс Уотсон, терпимая, худющая как смерть старая служанка, очкастая такая мымра, как только к ней переехала, так сразу на меня с букварём на бордаж попёрла, решила меня взять измором этой чёртовой орфографией. Целый час она усердно штудировала всё это дело, а потом вдова сказала ей отвалить от меня! Одна перла на меня с библией и Моисеем, застрявшим в этих чёртовых сорняках и египетском болоте, а другая наступала вот с такенным букварищем! Жизнь, называется, дай бог всякому! Я не мог терпеть этого дольше. Затем был целый час такой смертной скучищи, что я весь извертелся, как уж на сковородке, думая, когда же это всё кончится, Господи Боже ты мой! Мисс Уотсон сказала: «Не клади сюда свои немые клешни, Гекльберри», «Не елозь!» и «Сейчас же прекрати это, Гекльберри, сиди ровно!», «Не мычи так!», и довольно скоро она вообще с катушек съехала, говорит: «Не ковыряй в носу и прекрати зевать, Гекльберри! Как ты, Гекльберри, себя ведёшь в приличном обществе?»

И где она тут отыскала приличное общество?

Затем она подробно рассказала мне всё о Преисподней, её при этом просто распирало от гордости за то, что она всё знала, и какие там сковородки, какие ухваты, кастрюли и утюги в аду, и кого как там колбасят, кого как в кипяток суют, а кого вверх ногами вешают на верёвке над огнём, чтоб из него, видать, дурной душок вышел, думая наверно, что я от её рассказней совсем испугаюсь и стану пай-мальчиком, как некоторые свихнувшиеся христиане, а я сказал ей, что хотел бы поскорее попасть туда. В Ад! Думал, она хоть на время в обморок упадёт! Тем дело и кончилось! Тогда она разозлилась, как чёрт, хотя я и не сделал ей ничего плохого и никакого вреда не нанёс. Всё, что я хотел, так это поскорее отойти куда-нибудь от неё подальше; всё, что я хотел, было слинять куда ни попадя, хоть в ад, хоть в рай, хоть куда, ну, я не знаю, в общем, куда глаза глядят. Она сказала, что это было нечестиво с моей стороны сказать то, что я сказал; сказала, что такого она ни за что не скажет всему миру – так ей хотелось помереть побыстрее, чтобы поскорее попасть в райские кущи. Ну, честно говоря, я не видел никакого смысла в том, чтобы идти туда, куда она решила отвалить после своих похорон, поэтому я решил, что не буду даже и пытаться. Но я ничего не сказал об этом, потому что с такими людьми это только создало бы новые проблемы и не принесло бы никакой пользы.

Тогда она зачастила с самого начала, саяца почти, потом продолжила и наконец рассказала мне всё о привольной райской жизни на облаках. Она сказала, что там вообще ничего делать не надо, кроме как целый день бродить с арфой, бренчать по этим чёртовым струнам и петь пристойные псалмы. И так до скончания времён! А мне это как-то в душу не запало! Не знаю, почему! Но я ей об этом не сказал. Я только спросил её, считает ли она, что Том Сойер попадёт в рай, и она сказала: «Нет, ни под каким соусом!». Я был страшно рад этому, потому что хотел, чтобы мы всегда были вместе.

Мисс Уотсон продолжала со всех сторон клевать меня, и это было так скучно, утомительно и тоскливо, что я чуть не уснул. К тому времени пришли негры и тоже стали молиться, а потом все ушли на боковую в свои хижины. Я пошёл к себе с огарком свечи и поставил её на стол. Затем сел в кресло у окна и попытался придумать что-нибудь весёленькое, поднять свой подмоченный дух, но от этого мне стало ещё тоскливее. Мне было так одиноко, так тошно, что хоть ложись и помирай на месте. Звезды сияли, и в лесу таинственно шелестели листья, сплошная скорбь кругом, и я слышал, как сова глухо ухала где-то, будто кто-то помер только что, а она будто плакала по нём, а тут и собака завывала, заплакала видать по какому-нибудь новенькому покойнику, а может по тому, кто только собрался помереть. И ветер пытался что-

то тихо нашептать мне, и я не мог понять, что он нашёптывал, о чём, и поэтому у меня мурашки по телу от страха побежали. А тут из леса послышался какой-то мерзкий скрежет, какой мог издать только какой-то железный призрак, когда ему хочется рассказать о своих сексуальных проблемах и что у него там на уме, когда он вылез из могилы, а сам не знает, что ему нужно, и потому нет ему ни в чём покоя и нет лада ни в чём. Вот он и бродит по земле, воет, ноет, сопли зелёные вытирает, и ни в чём не хочет угомониться и вернуться в свою могилу отдыхать, а только бродит в темноте по лесу и канючит, канючит. Мне так жутко стало, что я захотел, чтобы у меня были приятели, чтобы у меня была хоть какая-то компания. Довольно скоро паук спустился с потолка и пополз по моему плечу, и я сбил его щелчком, а он упал прямиком на свечу, и прежде, чем я мизинцем пошевелил, он весь сморщился и почернел. Все знали, и мне не нужно было говорить – это был ужасно дурной знак, и я знал, он принесёт мне какую-нибудь гадость или неудачу. Поэтому я испугался хуже некуда, и душа у меня вся в пятки ушла. Я встал и три раза обернулся вокруг себя, и каждый раз крестился; а затем связал маленькую прядь волос ниткой, чтобы ведьмам был укорот. Но у меня по этому поводу не было никакой уверенности. Это помогает, когда вы потеряли подкову, вместо того чтобы прибить ее к двери, но я никогда не слышал, чтобы кто-то сказал, что это способ предотвратить неудачу, если вы сожгли живьём паука, который на нити с потолка спустился.

Меня всего трясло. Трясущимися руками и вытащил трубку покурить – дом был так же мёртв, как гроб, и поэтому вдова точно бы не узнала. Время шло, уже много его кануло, как я услышал, что часы прочь в городе бьют бум-бум-бум – двенадцать раз; и все снова стало как в гробу – ещё тише. Довольно скоро я услышал, как в темноте среди деревьев хрустнула ветка – там что-то шевелилось. Я остановился и прислушался. Там кто-то мерзко мяукал: «Мя-уу!! Мя-у! Мя-у-у!» Это было здорово придумано! Я ответил таким же, ««Мя-уу!! Мя-уу!», как смог, и затем погасил свет и вылез из окна на сарай. Затем я спустился на землю и пополз среди деревьев, и, конечно же, под большой веткой меня ожидал сам мистер Том Сойер.

ГЛАВА II

Мы пошли на цыпочках вдоль длинного ряда деревьев обратно к концу сада вдовы, наклонившись так, чтобы наши головы не цепляли за ветки. Когда мы проходили мимо кухни, я споткнулся о корень с диким грохотом. Мы скривились и застыли. Большой негр Мисс Уотсон, по имени Джим, сидел у кухонной двери; мы могли видеть его довольно ясно, потому что за ним из двери шёл свет. Он поднялся и вытянул шею, прислушиваясь. Затем он говорит: «Кто там?» Он подождал еще немного; затем на цыпочках пробежался и встал прямо между нами. Мы могли почти коснуться его. Ну, прошла целая уйма времени, мы замерли, как мыши, и были в каком-то плевке друг от друга. У меня зверски зачесалась лодыжка, я с ума сходил от зуда, но почесаться не мог, и тут и ухо начало зудеть, и а потом и спина засвербела прямо между лопаток. Я думал, что сдохну, если не почешусь, где надо. Ну, это я уже много раз замечал – если вы на свадьбе или на похоронах или вам надо заснуть, а сна нет и в помине, короче, если вам не дают почесаться в одном месте, то почему-то чесаться начинает всё сразу в тысяче мест.

Джим молчал-молчал, а потом и говорит:

– Эй, кто тут? Вы кто? Увольте моих кошек, если я не слышал. Ну, я знаю, что сделаю! Сяду тут и буду сидеть и слушать! Вы у меня попляшете!

И он уселся на землю прямо между мной и Томом. Он прислонился спиной к дереву и вытянул ноги, так что одна из них упёрлась в мою. Мой нос начал зудеть. Он зудел, пока слезы не навернулись на глаза. Но я не мог даже пошевелиться не то, что почесаться. Потом у меня зачесалось в носу. Я держался. Затем зачесалось у меня под носом. Я уже не знал, смогу ли усидеть спокойно и вытерпеть всё это. Это несчастье продолжалось целых шесть или семь минут, но мне казалось, что это продолжалось целую вечность. У меня чесалось в одиннадцати местах разом. Я думал, что не выдержу ещё больше минуты, но крепко сжал зубы и замер. В этот момент Джим тяжело вздохнул, зевнул, потом захрапел, и вскоре и мне полегчало.

Том сделал мне знак – что-то прошипел губами, и мы поползли на четвереньках. Когда мы были в десяти футах от Тома, он прошептал мне, что неплохо было бы привязать Джима к дереву, вот была бы веселуха. Но я сказал: «Нет, он может проснуться и устроить скандал, и тогда они узнают, что меня там нет!» Затем Том сказал, что у него мало свечей, и он проскользнет на кухню и возьмет еще. Я не хотел, чтобы он пытался. Я сказал, что Джим может проснуться и пойти назад. Но Том сделал всё по-своему, и мы забрались в дом и взяли три свечи. А Том положил на стол пять центов, якобы в уплату. Потом мы выбрались наружу, и я уже вспотел от страха, и хотел убежать, но что тут поделаешь, Том уже пополз к Джиму на четвереньках, чтобы устроить какую-нибудь хохму. Я дожидался его довольно долго, и уже ничего не боялся, так кругом все было тихо и спокойно.

Как только том вернулся, мы рванули по тропинке, вдоль садовой ограды, и мигом забрались на крутую вершину холма с другой стороны дома. Том сказал, что стащил шляпу с Джима и повесил ее на сучок как раз над его головой, а Джим немножко посопел, но так и не проснулся. Назавтра Джим рассказывал всем направо и налево, что ведьмы заколдовали его, ввели в транс и катались на нём по всему штату, а потом посадили под дерево, а шляпу повесили на сучок, чтобы показать всем, чьих это рук дело. Послезавтра Джим сказал, что они летали в Новый Орлеан, и с каждым разом его рассказы становились всё прикольнее и прикольнее, пока наконец не заврался, рассказав, что ведьмы колесили на нем по всему миру, заездили его почти до смерти, и его спина была стёрта, как у кобылы под седлом. Джим так чудовищно гордился этим своим подвигом, что задрал нос и теперь почти не замечал других нигтеров. Нигтеры же стекались со всей округи, шли десятки миль, чтобы только услышать, как Джим куролесил с ведьмами, и скоро все они уважали его больше, чем любого другого нигтера в этой стране. Станные эти нигтеры стояли с открытыми ртами в столбняке и смот-

рели на него, как на величайшее чудо. Вообще ниггеры любят поговорить о ведьмах в темноте у кухонного огня; но с тех пор когда кто-то начинал рассказывать что-то подобное, всякий раз Джим вставал и говорил:

– Ха! Что ты знаешь о ведьмах?»

И тогда этот ниггер куксился и забивался от стыда на задний ряд. Теперь Джим всегда носил эту пятицентовую монету на шее, продев её в верёвку, и сказал, что этот талисман дьявол вручил ему собственноручно, и при этом нашептал ему, что с его помощью он может вылечить кого угодно и в любой момент вызвать ведьм, просто произнеся заклинание, впрочем, что это было за заклинание, не говорил никому. Ниггеры потянулись к нему отовсюду и давали Джиму все, что у них было, просто чтобы посмотреть на волшебный пятицентовик, но при этом опасались прикасаться к нему, потому что якобы сам дьявол держал его на руках. Слуга из Джима теперь был плёвый, так он возгордился, что видел дьявола и ездил верхом на ведьмах.

Когда мы с Томом наконец добрались до вершины холма, мы посмотрели вниз на деревню и видели мерцание трех или четырех огней, где, должно быть, лежали больные. Звезды над нами сверкали так прекрасно; и внизу рядом с деревней раскинулась река, шириной наверно в целую милю, ужасно неподвижная и величественная. Мы спустились с холма и нашли Джо Гарпера да Бена Роджерса, и еще двоих или троих мальчишек, спрятавшихся в старом коженном дворе. Потом мы отцепили лодку и спустились вниз по реке на две с половиной мили, к большому оврагу на склоне холма, и сошли на берег.

Мы пошли прямо через кусты, и Том заставил всех дать клятву и хранить её в дикой тайне, а затем показал им пещеру в холме, прямо в центре самых зверских зарослей. Потом мы зажгли свечи и залезли в пещеру на четвереньках. Мы проползли около двухсот ярдов, а затем пещера расширилась. Том поковырялся среди проходов и довольно скоро нырнул под стену. Вы бы ни в жизнь не заметили бы, что там была дыра. Мы пошли по узкому проходу и вошли в своего рода комнату, где все стены были влажные, потные и холодные, и там остановились. Том говорит:

– Теперь мы члены банды грабителей. Она называется бандой Тома Сойера. Каждый, кто хочет присоединиться, должен произнести святую клятву и расписаться за неё кровью.

Все были готовы. Затем Том достал листок бумаги, на котором он написал клятву, и громко прочитал её. Он поклялся, что каждый мальчик должен верно служить своей банде, и никогда не рассказывать её тайн, и если кто-то сделает зло любому члену банды, то любой мальчишка, которому будет отдан приказ убить этого человека и его семью должны сделать это, и он не должен есть, спать, пока не убьёт их всех и не вырубит на их груди крест, который является знаком банды. И никто из тех, кто не принадлежит к банде, не должен пользоваться этим знаком, и если он это сделает, на него должен быть подан иск в суд; и если он сделает это снова, он должен быть убит. И если кто-то, кто принадлежал к банде, проболтается о нашей тайне, ему следует перерезать горло, а затем сжечь, и пепел разбросать по всему свету, а его имя должно быть проклято и вычеркнуто из списка подписавших клятву кровью, и никогда больше не должно не упоминаться членами банды, проклято и забыто навеки.

Все говорили, что это очень красивая клятва, и спрашивали Тома, сам ли он её выдумал. Он сказал, что кое-что выдумал сам, но остальное взял из пиратских книг и книг про разбойников, и у каждой нормальной, уважающей себя банды должна быть своя оригинальная клятва.

Некоторые думали, что было бы хорошо ещё и убить семьи мальчиков, которые проговорились и выдали секреты. Том сказал, что это очень хорошая идея, поэтому он взял карандаш и что-то приписал. Тогда Бен Роджерс говорит:

– Вот Гек Финн, у него ведь нет семьи, что ты будешь с ним делать?

– Ну, а разве у него нет отца? – спросил тогда Том Сойер.

– Да, у него есть отец, но вы никогда не можете отыскать его, когда он вам понадобится. Он всё время валялся пьяный, как свинья, в кожевенном дворе, а последнее время его целый год или даже более того никто не видал в этих краях.

Тут все устроили совет, и уже собирались исключить меня, потому что они сказали, что у каждого мальчика должна быть семья или кто-то наподобие, чтобы можно было убить его, иначе это будет несправедливо для одних и справедливо для других. Ну, и при этом никто не мог придумать, чем бы заняться – все были в тупике и сидели спокойно. Я был готов заплакать, но в тот же миг придумал способ решения проблемы и предложил им убить мисс Уотсон – они, если потребуется, могут сделать это совершенно спокойно. Все согласились:

– Ну да, это дело, она подойдёт! Ничего, все в порядке! Гек может остаться в банде!

Затем они все воткнули булавки в пальцы, чтобы получше пошла кровь для подписи, и я оставил свою подпись на бумаге.

– Теперь, – сказал Бен Роджерс, – надо решить, чем будет заниматься наша банда?

– Ничем, кроме грабежей и убийств! – важно ответил Том.

– Ну и кого мы собираемся грабить? – дома, крупный рогатый скот, или – »

– Того, у кого есть вещи! Кража скота и тому подобное – не грабеж, это кража со взломом! – пояснил Том Сойер, – Мы не грабители! То есть грабители, но не в этом смысле! Или стиле! Мы разбойники! Мы будем останавливать экипажи и вагоны на дороге, в масках, убивать людей и забирать их часы и деньги!

– А их надо всегда убивать?

– О, конечно! Так-то будет лучше! Конечно, власти думают иначе, но в основном это считается лучшим концом любого приличного грабежа – убить их всех подряд, за исключением тех, кого мы загоним в пещеру, и здесь будем держать, пока за них не дадут выкуп!

– Выкуп? Что это такое?

– Я точно не знаю! Но так все делают! Я читал про это в книжках, и поэтому, разумеется, это то, что мы обязательно должны делать!

– Но как мы можем это сделать, если мы не знаем, что это такое?

– Ну, как бы там ни было, мы должны это сделать! Разве я не сказал тебе, что так написано в книгах? Если начнёшь делать то, чего нет в книжках, можно совсем запутаться! Ты этого, что ли хочешь?

– О-о, как все это прекрасно, – сказал Том Сойер, – но как же эти парни будут выкуплены, если мы не знаем, что с ними делать? Вот до чего я хочу докопаться. Как ты думаешь, что?

– Ладно тебе, я тоже не знаю. Но если мы будем держать на привязи их, пока они не будут платить нам деньги или золото, то может нам и придётся держать их пока они не сдохнут!

– Теперь как-то теплее, ближе к делу! Это вроде вполне подходит нам! Почему ты не сказал об этом раньше? Мы будем держать их до тех пор, пока они не будут выкуплены до смерти; и они будут нас терроризировать, надоедать нам, нападать на нас, поедать все наши припасы и всё время думать, как от нас удрать!

– Как ты говоришь такое, Бен Роджерс? Как они могут освободиться, когда над ними охранник, готовый пристрелить любого из них, как только они посмеют пальцем пошевелить?

– Охранник! Что ж, это действительно здорово! Так что, кто-то должен сидеть всю ночь и совсем не спать, просто чтобы наблюдать за ними? Я думаю, что это глупость! Почему тогда сразу нельзя взять дубинку и выкупить их по башке дубинкой до смерти, как только они сюда приедут?

– Потому что этого нет в книгах, вот почему! Бен Роджерс, ты намерен делать все правильно или нет? Думай головой! Ты думаешь, что люди, которые писали книжки, не шарят, как нужно делать правильно? Ты всерьёз думаешь, ты можешь научить их чему-нибудь хорошему? Ты совсем рехнулся! Нет, сэр, мы просто пойдем и выкупим, как положено!

– Всё пучком! Я, что, спору? Но я все равно думаю, что это глупость. Скажи, а мы будем убивать женщин?

– Ну, Бен Роджерс, если бы я был таким же невеждой, как ты, я бы лучше зашил себе рот нитками. Убивать женщин? Ба-а! Ну, ты и удумал! Нет, ничего подобного в книжках нет, хоть обыщись до упаду! Вы просто приводите их в пещеру, и обращаетесь с ними так вежливо, как будто перед вами сладкие пирожки, и постепенно, хотя и медленно они влюбляются в вас, и потом уже никогда больше не хотят идти домой. А потом их ни за какие коврижки вытурить не удастся – влюбятся в вас, как кошки!

– Ну, если это так, как я согласен, только какой в этом смысл? Если так, то скоро у нас будет пещера, так загроможденная женщинами, да и всякими другими ожидающими выкупа, всякими карликами, что не останется места для самих грабителей. В пещере пукнуть нельзя будет от людей! Но продолжай, мне нечего больше сказать!

Маленький Томми Барнс к тому времени уже спал, и когда его разбудили, он испугался и заплакал, и сказал, что хочет вернуться домой к своей маме, и больше не хочет быть грабителем.

Так как они все смеялись над ним и называли его плаксой, он совсем сбрендил, и сказал, что пойдет от нас и расскажет там все тайны. Но Том дал ему пять центов, чтобы он молчал, и сказал, что мы все пойдем домой и встретимся на следующей неделе, тогда и ограбим кого-нибудь, и кого-нибудь приберём.

Бен Роджерс сказал, что он не может часто выходить на большую дорогу, только по воскресеньям, и поэтому он хотел начать грабить и убивать в следующее воскресенье; но все мальчишки сказали, что было бы большим грехом делать это в воскресенье, и таким образом всё было улажено. Они согласились собраться вместе как можно скорее, а затем мы выбрали Тома Сойера первым заводилой в банде, а Джо Харпера помощником заводилы банды, и потом разошлись по домам.

Я добрался до сарая и пролез в мое окно как раз перед рассветом. Мой новенький костюм была весь заляпан жиром и глиной, и я устал, как бездомная собака.

Глава III

Ну, утром я, конечно дело, получил хорошую взбучку от старой мисс Ватсон из-за моей одежды. Но вдова не ругалась вовсе, а только смыла жир и глину, и выглядела так жалко, что я подумал, что буду вести себя некоторое время как маменькин пай-мальчик, если, конечно, смогу. Потом мисс Ватсон поставила меня в чулан замаливать грехи, но у меня ничего не вышло. Она сказала мне молиться каждый день, и если я буду слушаться её, то что бы я тогда ни попросил, то получу это. Какая лажа! Я честно попробовал. Только и делал, что лупил головой в землю, вымаливая удочки. Что бы вы думали?.. Только один раз я получил леску, да и ту без крючков. И какая мне польза от лески без крючков? Я пытался помолиться за крючки три или четыре раза, но как-то и это не выгорело. Однажды я попросил Мисс Ватсон попытаться помочь мне, и помолиться без меня за меня, но она сказала, что я дурак. Она никогда не поясняла мне, почему я дурак, и я никак не мог это понять.

Однажды я присел в лесу и долго думал об этом. Я спрашивал себя, если некто может получить назад всё, о чем молился, почему тогда Дякон Винни не вымолил и не вернул себе деньги, которые потерял на свинине? Почему вдова не может вымолить у Господа украденную серебряную табакерку? Почему мисс Ватсон не попросит Господа Бога сделать её толстухой? Нет, я тогда понял, что тут какая-то засада! Вернее, я ничего не понял, честно говоря! Я пошел и рассказал об этом вдове, и она сказала, что обильной молитвой можно заполучить только «Духовные Дары». Эка невидаль! Ха-ха-ха! «Духовные дары»! И кто это всё выдумал? При этом она ещё одним словечком блеснула – «Скрепсы», да тут я вовсе не стал прояснять что это такое, и так понятно – полная лажа и отстой! Это было слишком неподъёмным для моей головы, но она сказала мне, что она имела в виду – я должен помогать другим людям, и делать все возможное для других людей, всё им раздать, что накопил за всю жизнь и заботиться о них все время, и никогда не думать о себе, хоть подыхай на их глазах. Я должен был заботиться в том числе и о мисс Ватсон, как я понял. Я долго ходил по лесу и вращал всё это в голове, но не увидел в этом никакой пользы – кроме как для других людей, поэтому, потом я подумал, что выкину всё это из головы, пока она всё ещё цела, утро, мол, вечера мудренее. Иногда вдова сажала меня рядом с собой и говорила о Божьем Промысле, или... как... Божественном Провидении... да так, что у неё слюни летели изо рта в разные стороны, но, бывало, на другой день мисс Ватсон снова ухватится за это и снова все разрушит. Я решил, что вижу всё как есть, что есть два Божьих Промысла, и если бедный чёрный парень как-то выдержит Божий Промысел вдовы, то если попадёт в цепкие клешни Божьего Провидения мисс Ваттсон, тут уж тут никакой пощады не жди. Я подумал обо всем этом и решил, что лучше пока податься к Божьему Промыслу вдовы, если он захочет меня приютить, хотя я не мог понять, зачем я ему могу оказаться нужнее, чем был раньше, потому что я всегда был невежественный, невоспитанный, низкий и злобный ублюдок.

Моего папулю не видели уже больше года, и это было удобно для меня, я больше, честно говоря, совсем не хотел его видеть. Он всегда был, когда трезвый, мастак распускать руки и меня лупить, поэтому я по большей части жил в лесу, когда он был рядом. Ну, примерно в это же время его нашли утонувшим в реке, примерно в двенадцати милях за городом, так во всяком случае многие говорили. Во всяком случае, они рассудили, что это был он, сказали, что этот утопленник был просто один — в -один его размера, и был такой же оборванец с точно такими же длиннющими космами на голове, с таким же волосатым брюхом, точно – мой ненаглядный папаша, но они не могли ничего сказать о его лице, потому что оно было в воде так долго, что совсем не походило на чьё-то лицо. Ясно, что его раки съели, пока он в реке плашмя плавал. Они сказали, что он плавал в воде на спине. Тогда они забрали его труп и похоронили где-то на берегу. Но моё счастье не могло продолжаться долго, потому что мне вспомнилось

кое-что ещё. Я прекрасно знал, что утопленники плавают лицом не вверх, а наоборот. Ну, я тогда и смекнул, что это был совсем не мой ненаглядный папашка, а какая-то баба, одетая в мужскую робу. Так что мне снова стало довольно дурноватенько. Я опасался, что старикан вот-вот оживёт и заявится ко мне из ада, что уж совсем не могло радовать меня.

Мы играли в разбойников время от времени примерно с месячишко, а потом я отвалил в отставку. Всё, мальчики! До свидания! Мы так никого и не ограбили и не убили, всё только притворялись разбойниками. Раньше мы выпрыгивали из леса и с криками кидались на свиноматок и женщин в повозках, которые везли на рынок урожай, но мы никого из них пальцем не тронули. Том Сойер назвал этих свиней «слитками», а репу и овощи «халявой», набрав еды, мы отправлялись в пещеру и хвалились там перед друг другом своими подвигами и подсчитывали, сколько людей мы сегодня убили и захватили в плен. Но я не видел в этом никакой прибыли или навару. Однажды Том послал мальчика бежать по городу с пылающей палкой, которую он назвал паролем (который был знаком, чтобы собраться вместе), а затем он сказал, что у него были секретные вести от его тайных шпионов, что на следующий день огромный караван испанских купцов и богатых арабских шейхов собрался расположиться в пещере, и у них двести выючных слонов, шестьсот двугорбых верблюдов, и более тысячи мулов, все они были нагружены алмазами, и их охраняли всего только четыреста вооружённых мушкетами, пушками и аркебузами солдат, и поэтому мы устроим им хорошую засаду, как он это называл, и прикончим их всех разом и захватим добычу. Алмазы и слоны нам, вроде, ведь не помешают! Он сказал, что мы должны наточить наши мечи и пушки, и изготавиться к бою. Он так и сказал «изготавитбся», и у меня при этом почему-то побежали по спине холодные мурашки. Он никогда не мог отнять ни у кого даже простую репку, не наточив все мечи и пушки, хотя на деле они были только палками и мётлами, а вы могли бы сколько угодно точить их, пока бы они не сгнили, всё равно они бы не стали ни на грош острее, чем были раньше. Я не верил, что мы могли бы вырезать такую толпу испанцев и арабов, но хотел увидеть верблюдов и слонов, поэтому я засел на следующий день, в субботу, в засаде; и когда кто-то крикнул клич, мы выбежали из леса и бросились вниз с холма. Но там не было ни испанцев, ни арабов, и тем более ни верблюдов, ни слонов. Это не было ничем иным, как воскресным школьным пикником, да и то для первого класса. Мы кинулись и разогнали какую-то толпу, и преследовали детей по округе, но нам не досталось ничего, кроме пончиков и варенья, хотя Бен Роджерс захапал ещё и старую тряпичную куклу, а Джо Харпер получил драный молитвенник и ещё какую-то неведомую святую книгу, а когда учитель разъярился и погнался за нами, мы всё бросили, кинулись в разные стороны и скрылись в кустах.

Я в упор не видел там никаких алмазов, и я сказал об этом Тому Сойеру. Он посмотрел на меня с жутким презрением и сказал, что я ничего в упор не вижу, потому что слеп, и что там алмазов просто куры не клюют, а к тому же там были и арабы, и слоны и всё-всё-всё. Я спросил, а почему никто их не видел? Он сказал, что если бы я прочитал мировую книгу под названием «Дон Кихот», я бы не задавал таких дурацких вопросов. Тут, говорит, вся фишка в колдовстве.. Он повторил, что там на самом деле сотни солдат, слоны и сокровища, ну и так далее. Да! Но у нас масса врагов, и их все зовут магами, и они превратили всё это безобразие в воскресную школу для новорожденных, только из-за злобы. Они отомстили нам. Я сказал, что тогда все в порядке, но нам нужно срочно напасть на магов. Том Сойер сказал, что я полный идиот и мне лечиться надо.

– Ты что? – заорал он, – Маги могут вызвать сразу столько духов, что ты не очухаешься, и прежде чем ты мог слово пикнуть, они изрубили бы тебя на мелкие кусочки, фарш бы из тебя сделали, и слова брякнуть не дали. «Суета сует и ловля перца»! Так один человек у нас говорил. Потом выяснилось, что он жил в сумасшедшем доме. «Высотой они выше самых высоких деревьев, и толстые, как церковь в Фаллосбергене! И вообще, плотники, стругайте выше стропила, и входит мужик выше самых высоких ...в!»

Видно было, что его так и подмывает поделиться своим знанием, и он бы это сделал даже если бы был мёртвым, как кузнецик!

– Что ж, – говорю я, – а если мы вызовем себе на подмогу своих верных джиннов, – тогда мы сможем порубать их?

– Как же ты их вызовешь?

– Я не знаю! А как их маги вызывают?

– Как-как, трут-трут ветошью старую оловянную лампу или большое железное кольцо, и духи сразу слетаются к ним толпой, тут и гром гремит и молния сверкает, и дым, короче, коромыслом, и всё, что ты прикажешь духам, они тут же и исполнят, как миленькие. Им ничего не стоит вырвать оружейную башню с корнем из земли и шарахнуть ей по голове директора воскресной школы. Ну, или любого другого трахнуть, кого попросишь!

– И для кого они так шелестят?

– А для того, кто трёт лампу или кольцо! Они принадлежат тому, кто трёт лампу или кольцо, и они потом должны выполнять все, что он им прикажет. Понятно? Если он повелит им построить дворец длиной в сорок миль из золота и бриллиантов и наполнить его жевательной резинкой или чем хошь, или прикажет выкрасть дочь китайского императора

Ху Пу, чтоб взять в жёны, они поневоле должны это сделать – и должны сделать это не позднее утра следующего дня... (Он, похоже, так волновался, что стал говорить так криво, что, кажется, они уже совсем не понимали, что он там говорил) И еще: они должны поставить этот дворец в любом месте, где бы ты им ни указал пальцем, понимаешь?

– Эка невидаль, – говорю я, – я думаю, какие же это кретины, если они таскают дворцы для кого-то, вместо того, чтобы самим жить в них! Более того, если бы я был одним из этих духов, я бы никогда бы не стал бросать свои дела и мчаться к какому-нибудь крестину в каком-нибудь Иерусалиме только потому, что этот крестин научился тереть какую-то дрянную оловянную лампу грязной тряпкой!

– Что ты говоришь, Гек! Как ты можешь не явиться, когда кто-то потёр её, ты уж точно должен заявиться, хочешь ли ты того или нет!

– Как я могу быть кому-то должен, если я высотой с дерево и толщиной с церковь? И нет таких ворот, притолоку которых я не смогу сшибить головой! Ну, тогда – порядок! Я-то явлюсь, попомни моё слово, я-то загоню этого человека на самое высокое дерево, какое есть в стране!

– Фу, Гек, бесполезно говорить с тобой! Кажется, ты ничего не хочешь понять, как настоящий идиот!

ГЛАВА IV

Ладно, три или четыре месяца быстро пролетели, ищи-свищи, и теперь была уже зима. Я все это время проучился в этой проклятой школе и уже мог понемногу разбирать слова, в общем, немного подучился читать и писать, и к тому вызубрил наизусть таблицу умножения так, что шестью семь – тридцать пять отскакивало от меня, как горох от стенки. Я думаю, что даже если бы я буду жить вечно и при этом ходить в школу, всё равно в мою голову больше ничего не влезет!. Во всяком случае, с математикой я до сих пор особенно не дружу. Честно говоря, начала я люто ненавидел эту чёртову школу, но потихоньку пообвыкся и стал приноравливаться к ней. Всякий раз, когда мне особенно сильно надоедала эта ахиня, я давал дёру с уроков, и следующий день получал от учителя хорошую взбучку, что очень, надо признать, меня бодрило. Поэтому чем дольше я ходил в школу, тем легче это было для меня. Я скоро привык к примочкам вдовы, и они уже не раздражали меня, как раньше. Живя в большом доме, для меня тяжелей всего было привыкнуть спать в кровати. Нет уж, это не для меня! Лучше положить голову на плаху, чем спать в кровати! Это спанье в кровати давалось мне очень тяжело, и до белых мух я иногда бегал в лес, чтобы хорошо поспать, и это было для меня истинным отдохновением. Старое житьё я бы не променял бы на такое ни за что на свете, но когда я стал привыкать к новой житухе, она мне тоже потихоньку стала даже нравится. Вдова сказала, что я медленно, но уверенно «делаю очень большие успехи». Она сказала, что ей больше не стыдно за меня. В общем, она считала, что я «делаю очень большие шаги и скоро стану настоящим человеком». Лучшей училки, чем вдова, как оказалось, было не сыскать! Оказывается, она только тем и занималась, что краснела за меня! Однажды утром мне за завтраком довелось опрокинуть солонку на скатерть. Только я стал горстью сгребать в кучу рассыпанную соль, чтобы бросить её через плечо на удачу, как мисс Уотсон опередила меня и стала истово крестить воздух направо и налево, как будто за спиной у меня сам горящий чёрт суетился. Я молчу. Тут она говорит мне, вежливо так, ласково, как будто убить меня на месте хочет: «Убери свои кривые клешни, Гекльберри! Какой беспорядок ты здесь навёл!» Вдова сделала всё, что смогла, сказала доброе слово для меня, но это уже не могло предотвратить беду. Я это хорошо понимал тогда. Как говорил мне один знакомый ниггер – «Пришла беда, а ну, отворяй ворота!» Беды в одиночку не ходят, это уж закон такой! Сначала, после завтрака, я почувствовал какое-то беспокойство и дрожь в ногах, и стал раскидывать мозгами, откуда оно может свалиться на меня, и что это будет такое? Говорят, есть уйма способов обмануть неудачу, но эти были из рук вон плохие, так что я в тот момент не пытался ничего сделать, а просто в большом унынии и тоске шлялся по городу и плевался по сторонам.

Я спустился в сад по кривым ступенькам и в конце его перелез через высокий забор. На земле лежал свежий снег, такой чистый, что на него блевануть хотелось, и я увидел на нём чьи-то пьяные следы. Они шли от карьера, потоптались возле забора, а затем обогнули сад. Было смешно, что они не вошли внутрь сада, а топтались снаружи, как обычно топчется бродяга, когда ему отлить захотелось. Но тогда я не мог этого понять. Это было очень любопытно. Я собирался проследить за ними, и тут наклонился, чтобы лучше рассмотреть. Сначала я ничего не заметил, но в следующий раз кое-что рассмотрел. Я ведь совсем не такой дурак, как многие обо мне думают! В левом ботинке на каблуке, был крест, сделанный большими гвоздями, чтобы, видать, понадежней предостеречься от козней дьявола.

Я встал на секунду и свернул с холма. Я время от времени посматривал через плечо, но никого не видел. Я хотел попасть к судье Тэтчеру так быстро, как только мог. Он сказал:

– Мой мальчик, – сказал он, – почему ты бежал так, что аж запыхался? За тобой кто-то гнался? Ты пришёл по делу? За процентами?

– Нет, сэр, – говорю, – А что, для меня что-то есть?

– О, да, за полгода в эту ночь поступило более ста пятидесяти долларов. Приличное состояние для тебя! Вот что я тебе скажу! Тебе лучше позволить мне вложить деньги вместе с твоими старыми шестью тысячами, потому что, если ты возьмёшь их, ты их спустишь разом! И даже не заметишь, как!

– Нет, сэр, – говорю, – я не люблю тратить деньги! Мне вообще ничего не нужно – ни шести тысяч, ни цента, вообще ничего! В общем... Я хочу, чтобы вы вложили их! Я хочу отдать их вам – все, какие есть!

Казалось, он был удивлен. Казалось, он ничего не понял. Он тогда говорит:

– Что ты имеешь в виду, малыш?

Я говорю:

– Не спрашивайте меня об этом, пожалуйста! Прошу вас! Вы возьмёте их – или нет? Вам они нужны, не так ли?

Он говорит:

– Что ж, я очень озадачен! В чём дело, малыш?

– Пожалуйста, возьмите их все, – говорю я, – и не спрашивайте меня ни о чем, чтобы мне не пришлось врать вам!

Некоторое время он внимательно смотрел на меня, как будто муху изучал свкозь увеличительное стекло, а затем говорит:

– Ого-о! Кажется, я вижу! Хитрец-мудрец! Вы, сударь, похоже, хотите ссудить мне весь свой капитал – а не подарить его! Так ведь? Если так – это верная идея! Затея, что надо!

Затем он что-то написал на бумаге, перечитал всё и говорит:

– Так... Ты видишь, здесь написано «за вознаграждение». Это означает, что я купил его у вас и заплатил вам за это! Вот вам доллар! Теперь, сударь, подпишите вот это!

Я подписал бумагу и тут же ушёл.

Ниггер мисс Уотсон, Джим, имел волосяной шар размером с кулак, который он вынул из воловьего желудка, и теперь всем гадал на нём. Джим уверял всех, что внутри шара живёт дух, и он всё обо всех знает. Поэтому я пошел к нему той же ночью и сказал, что здесь был мой покойный отец, и я видел его следы на снегу. Единственное, что я хотел знать, жив ли он, и что он собирается делать? Джим достал свой волосатый шар, и что-то зашептал над ним, а затем поднял его к самому потолку и бросил его на пол. Он шмякнулся почти как камень, и откатился только на какой-то дюйм. Джим попробовал еще раз, а затем в третий, и всё повторилось то же самое. Чушь какая-то! Что это за мяч, который даже отскочить толком не в состоянии? Джим встал на колени, приложил ухо к шару и прислушался. Но всё было бесполезно, Джим сказал, что шар отказывается говорить. Он сказал, что иногда шар отказывается говорить без денег. Я сказал ему, что у меня есть старая пятнистая фальшивая четверть доллара, которая не годится, потому что медь немного просвечивает через серебро, и она никуда не годится, но даже если бы латунь не просвечивал, всё равно, грош ей была цена, потому что она была такой скользкой, как будто её мазали салом, сразу видно, что это лажа полная, а не монета.. (Я, само собой, не стал ничего говорить про доллар, который получил от судьи, о таких вещах в такой компании лучше не говорить!) Я сказал, что это были дерьмовые деньги, но, возможно, волосяной шар милостиво примет их, потому что, возможно, не поймёт разницы. Джим, как собака, понюхал монету, лизнул её, куснул, потер в пальцах, и сказал, что он попытается сделать так, чтобы волосяной шар подверил, что она настоящая. Он сказал, что надо разрезать сырую картофелину и оставить монету в ней на всю ночь, а на следующее утро не будет видно никакой латуни, и она больше не будет жирной, и поэтому любой в городе возьмёт её за милую душу, а уж о шаре вообще разговора нет! Ну, раньше я знал, что картофелина может натворить такие чудеса, только забыл об этом!

Джим положил четвертак под волосатый шар, снова опустился и прислушался. На этот раз он сказал, что шар на тот раз не собирается хорохориться и перескажет всю мою судьбу, если я этого захочу. Я говорю, продолжай. Итак, волосатый шар стал беседовать с Джимом, и Джим сообщил мне эту благую весть. Он говорит:

– Йо-оле-отец не знает, что ему сделать. Он мечется, уйти ему или остаться! Ему некуда податься! Не беспокойтесь, пусть он сам решит, что ему делать! Двое ангелов летают вокруг него. Один из них белый, блестящий, другой – черный, как сажа. Белый зовёт его к благу, а черный всё поганит и грязнит. Неясно пока, кто кого одолеет.. Но с тобой всё в порядке. У тебя в жизни будет много неприятностей, но и много такой радости, что ты ошадеешь. Иной раз тебя будут обижать, иногда ты будешь болеть, так что едва дух не испустишь, но всё вырулит к хорошему.. На твоём пути тебе встретятся две красотки. Одна блондинка, другая – брюнетка. Одна богатая, как Крез, другая – бедная, как церковная крыса. Ты сначала женишься на бедной, а потом на богатой. Ты должен держаться подальше от воды, а то не дай бог что-нибудь случится, потому что тебе на роду написано в конце твоих дней кончить жизнь на виселице.

Неплохое предназначение!

Когда я зажег свою свечу и поднялся в свою комнату той ночью, там сидел мой ненаглядный папаша собственной персоной!

ГЛАВА V

Я притворил за собой дверь. Затем я обернулся, и вот, нате вам, он. Тут он молча уставился на меня мутными глазами. Я все время его боялся, он так раньше лупил меня, что мало не покажется, как сидорову козу! Я подумал, что сейчас точно испугаюсь, но через минуту, вижу, что ошибся, после первого потрясения, как вы могли бы сказать, когда мое дыхание спёрлось в груди от неожиданности, я как-то сразу пришёл в себя, и вижу, всё, я его не боюсь. Ему было всего под пятьдесят, и выглядел он так же. Его волосы были длинные и спутанные, и свисали жирными космами, как какие-то коричневые водоросли, только его глаза сияли, как бешеные звёзды в ночи между чёрными деревьями. Чёрные густые бакенбарды свисали вместе с ключьями седины. Лицо его было почти совсем не видно за густой шевелюрой, и было совсем бледным, но не просто бледным, а белым, болезненно белым, как будто это было не лицо человека, а брюхо какой-то мерзкой гадины, рыбы или лягвы. Что касается его одежды – это были просто гнилые тряпки, вот и всё. Голая лодыжка лежала на колене, сапог на ноге был разорван в пух и прах, и оттуда в разные стороны торчали два грязных пальца, которыми он время от времени шевелил. Его шляпа лежала на полу – старая черная с провалившимся верхом, как крышка ржавой кастрюли без дна. Я стоял, глядя на него, он пристально зыркал на меня, слегка подавшись вперёд на колченогом стуле. Я поставил свечу на пол. Я заметил, что окно было открыто, понятно, он залез в комнату с крыши сарая. Он продолжал пристально смотреть на меня. Потом он и говорит:

– Ну, ты и вырядился – франт, нечего сказать! Вы думаете, милостивый государь, что вы такая большая шишка из королевского дворца, не так ли?

– Может быть так, а может, и нет! – нашёлся ответить я.

– Ну, ты не очень-то дерзи мне, щенок! – говорит тут он, – С тех пор, как я тут не появлялся, похоже, наглости у тебя прибавило, немерено просто, я разберусь с тобой, щенок, дай только время! Уже ты, видать, наверх пошёл, сказывали, можешь уже читать и писать. Думаешь, так лучше? Лучше, лумаешь? По боку тебе отец родной, думаешь, он никто теперь? Я выбью из тебя эту дурь! Кто тебе вбил в голову такую ахинею, эй? Что молчишь, бревно? Кто тебя подучил, а ну, говори?

– Вдова! Она сказала мне!

– Ха! О, как! Вдова?! И кто сказал вдове, что она может совать свой длинный мерзкий нос в чужие дела?

– Никто ей никогда ничего такого не говорил!

– Хорошо, я научу её, как вмешиваться! Она у меня попляшет! Сиди здесь – и забудь про эту дурацкую школу, слышишь? Я научу этих жалких людишек, этих грязных подонков, как надо воспитывать маленького мальчика, чтобы он не смеялся над своим отцом и думал, что он лучше, чем он! Ты ещё поймёшь, какой я учитель – лучше и не надо! Не дай бог увижу, что ты околачиваешься у этой дурацкой школы, слышишь? Твоя мать не умела ни читать, ни писать до самой смерти. И я не могу, а вот ты надулся как индюк! Я этого не могу допустить, как твой отец! Я тебе не позволю этого, слышишь? Ну-ка, плут, давай, читай, хочу послушать, как ты читаешь эту дребедень!

Я взял книгу и начал читать что-то о генерале Вашингтоне и о тех войнах. Когда я прочитал примерно с полминуты, он выбил у меня книгу из рук страшным ударом и хрястнул кулаком по столу. Тут он и говорит озверелым голосом:

– Вот так! Читать ты можешь! Сначала я думал, что ты инее всё врёшь! Но ты не очень-то задавайся, модник эдакий, я тебя отучу от вредных привычек и этих излишеств! У меня не забалуешь! Я тебя умник, буду держать в ежовых рукавицах, и если поймаю тебя в этой школе, тогда, щенок, пеняй на себя! Шкуру сдеру, но воспитаю! А такой сын мне не нужен!

Он схватил маленькую синюю книжку с картинкой, на которой был мальчик с коровой и сказал:

– Что это такое?

– Это то, что мне задали на уроке!

Он разорвал книжонку и говорит:

– Я задам тебе кое-что получше – я задам тебе бычьих плетей!

С минуту он что-то бормотал и рычал про себя, а потом говорит:

– Нет, никто не поверит в такое! Какого изнеженного денди я произвёл на свет! А все думают, что у меня сын, как сын! Кровать тут у него, и крахмальное бельё, зеркало, хмырь, обзавёлся, кусок ковра на полу – а его родной отец спит рядом со свиньями на кожевенном заводе и у судьбы кусок сухого хлеба вымаливает! Нет! О таком сыне можно только мечтать! Ха-ха! Бьюсь об заклад, я выбью из тебя эту дурь! Я тебя просто размажу! Какая важная фря, говорят, ты разбогател? Эй? И каким же образом, позвольте полюбопытствовать?

– Они всё врут! Вот как!

– Послушай, сынок, сам пошевели мозгами, как ты говоришь со мной? Я терплю, как паинька, сижу тут, уже сам не рад, как я терплю, и мне терпеть больше в лом. Я в городе всего два дня, и я не слышу ничего, кроме рассказней про твоё несусветное богатство, которое тебе на голову с неба свалилось. Я слышал об этом ещё на реке. Вот поэтому я и пришёл. Завтра ты мне отдай все денежки – мне они не помешают!

– У меня нет денег!

– Сынок, что с тобой? Лгать мне? Судья Тэтчер получил их от тебя! Не так ли? Давай, шевелись! Не зли меня понапрасну! Мне нужны деньги!

– У меня нет никаких денег, истинно говорю вам! – что было сил клялся я, – Спросите у судьи Тэтчера – он скажет вам то же самое!

– Отлично! Я спрошу его, он у меня заговорит! Я узнаю правду-матку! Скажи-ка теперь, сынок, а что у тебя в кармане? Давай-ка сюда всё!

– У меня ничего нет, только один доллар, и я хочу, чтобы...

– Мне плевать, что ты там хочешь, быстренько раскошеливайся!

Я вывернул карманы.

Он взял монету и укусил, чтобы убедиться, что она не фальшивая, а потом сказал, что сейчас идёт в город пить виски, потому что у него якобы с утра не было во рту и маковой росинки. Когда он прыгнул на сарай, то снова всунул свою голову в окно и стал поливать меня руганью за то, что я такой – сякой немытый модник и пытаюсь быть лучше его, и когда я уже хотел вздохнуть свободно, думая, что на сей раз наконец не увижу его, полагая, что он ушел, он вернулся и снова всунул голову в отверстие, и снова сказал мне всякие гадости о моей школе и предупредил, что подстережёт меня в ней и навалает мне, как следует. На следующий день он был пьян в стельку, и в таком виде подкатил к судье Тэтчеру, и там тоже поносил его всячески, а ещё попытался заставить его отказаться от денег, но у него на сей раз ничего не выгорело, и тогда он поклялся всеми святыми, что заставит судью отдать мои деньги по суду. Судья и вдова подали в суд, чтобы суд лишил моего отца отцовства и позволил одному из них быть моим опекуном, но там был новый судья, которого только что назначили, и он не знал моего старикана, поэтому он сказал, что суды не должны вмешиваться и разделять семьи, и последнее дело отлучать ребёнка от его родного отца. Поэтому судья Тэтчер и вдова бросили эту затею.

Эта победа так окрылила моего мерзкого старика, что он стал выкипать. Он вышел на улицу и стал орать во всю глотку, что отделает меня так, что на мне не будет живого места и я весь стану синим или даже чёрным, если через пять минут не добуду для него денег. Я одолжил три доллара у судьи Тэтчер, и папуля взял их и тут же напился, пошел шататься по городу, ругался, горланил что ни попадя, страшал всех чугунной сковородой до ночи, и его быстренько сцапали в тюрьму. То, что его посадили на цугундер немного привело его в чувство, хотя

на следующий день его доставили в суд и снова посадили в тюрьму на неделю. Но там он заявил, что решением суда удовлетворен полностью, и добавил, что теперь он босс над своим чадом, и отделает его под орех. Когда его выпустили из тюрьмы, новый судья сказал, что собирается сделать из моего папаши человека и займётся его воспитанием. В итоге, судья отвел моего отца в свой дом, одел его там с иголки в новую одежду, и посадил завтракать за свой стол, как человека, а потом пригласил обедать и даже ужинать за одним столом со своей семьёй, в общем, почти облизал его с ног до головы. После ужина судья стал беседовать с папашей о благе воздержания и о всяких таких высоких вещах, пока старик не расчувствовался и не пустил пьяную слезу, после чего заверил, что он был дураком и профукал свою жизнь ни за понюх табака, но теперь он собирался начать типа с чистого листа, как младенец, чтобы снова стать человеком, которого никто не стыдится, и он надеялся, что судья, как человек благородных кровей, поможет ему в этом благом деле, и не будет смотреть на него сверху вниз, как на изгоя общества и ублюдка. Судья сказал, что готов обнять его за такие золотые слова, и при этом заплакал от умиления, тут и его жена тоже разрыдалась. Разыграв такую немудрёную интермедию, мой папуля сказал, что он был человеком, которого раньше превратно поняли разные плохие, тупые люди, и судья сказал, что он этому поверил всем сердцем. Старик сказал, что злодеи лишили его сочувствия и любви, а судья согласился с этим, после чего они зарыдали уже в два голоса. Утром старик поднялся и, протянув судье руку, сказал:

– Дамы и господа! Посмотрите на эту руку! Ещё вчера это была рука свиньи, но всё переменилось, теперь это рука человека, идущего к новой жизни, и этот новый человек скорее нарежет кони, чем вернётся к старой, грешной жизни! Пувсть исправления нелёгко, но это единственная дорога, ведущая в рай! Истинно говорю вам! Дамы и господа! Запомните же слова, сказанные мной ныне! Раньше это была грешная, грязная лапа! Теперь это чистая рука человека! Пожмите же её с чистым сердцем! Все двинули пожимать ему клешню его, один за другим, и все при этом пускали трогательную слезу. Жена судьи даже поцеловала его. Вслед за этим старикан дал зарок не квасить почём зря, и в знак своего пробуждения к новой жизни поставил вместо подписи жирный крест на бумаге. Судья сказал, что это самый святой момент в его жизни, или что-то в этом роде. Ясно, что их слёзы при этом затопили почти весь дом. Затем они препроводили старикана в самую красивые апартаменты в доме, которые берегли для самых важных гостей, а ночью, когда он исходил от сильной жажды, он не выдержал, и забрался на крышу, спустился вниз, и обменял обнову на кувшин сорокаградусного пойла, влез на крышу и вернулся назад пьянствовать и куролесить. К утру он допил до чёртиков, и когда снова зачем-то полез в окно, свалился с крыльца и сломал левую руку в двух местах, валялся перед домом и так и замёрз бы, если бы кто-то не нашёл его на рассвете. А когда пришли проводить его в гостевую комнату, у них у всех отвалились челюсти – в комнате можно было учиться плавать – он всё залил водой.

Тут, надо признать, судья наконец проснулся и пришёл в совершеннейшее неистовство. Он стал вопить, что бедного старика может исправить только пуля из дробовика в его тупую башку, потому что других способов воспитания в данном случае не существует.

ГЛАВА VI

Так вот, скоро старик снова оклемался, а затем отправился к судье Тэтчер с жалобой, чтобы заставить его отказаться от денег, а потом принялся за меня, чтобы я прекратил ходить в школу. Он подкараулил меня пару раз у школы и избил до полусмерти, но я все равно ходил в школу и теперь старался избегать встречаться с папашей. Раньше я не любил ходить в школу, но тут я решил, что я теперь буду ходить папаше назло. Судебное разбирательство шло с черепашьей скоростью, как будто никто его не собирался им заниматься, поэтому время от времени я брал взаймы два или три доллара у судьи, чтобы не получать плетью по спине. Всякий раз, когда папа брал деньги, он напивался вдупель, и всякий раз, когда он напивался вдупель, он поднимал весь город на уши, и всякий раз, когда он поднимал весь город на уши, его сажали в кутузку. Скоро он стал местной достопримечательностью и все в округе, завидев его, сразу переходили на другую сторону улицы. Он был просто на коне и такая жизнь была по нему. Он слишком долго наседали на вдову, пока ей не надоело, и она наконец сказала ему, что, если он не бросит куролесить, то получит по полной. Ну, и разошёлся же он тогда! Папаша тогда заорал, что покажет всем, кто настоящий хозяин Гека Финна и вы, мол, свиньи, теперь все у меня попляшете! Поэтому однажды весной он как-то раз подкараулил и схомутал меня, а затем увёз в лодке мили на две вверх по реке, там перебрался на другой берег в местечке, сплошняком заросшим лесом и какими-то корявыми зарослями, там вообще не было домов, кроме старой облупленной хижины, которую никто бы и в жизнь не нашёл, даже если бы знал, где она находится.

Он держал меня на виду все время, и у меня не было никакой возможности убежать. Мы жили в этой старой развалюхе, и он, ложась спать, всегда запирали дверь и клал ключ под голову. У него было знатное ружьецо, которое, я думаю, он где-то украл, и мы ловили рыбу и охотились, тем мы в то время и жили. Каждый раз, когда он запирали меня, он отправлялся к перевозу, в трех милях отсюда, и там с паромом торговал рыбой или менял её на виски, а потом притаскивал бутылку домой, снова напивался до чёртиков и таким образом приятно проводил время, а потом колотил меня. Этим у него завершались все развлечения! Вдова про это узнала, поняла, где я был, и послала человека, чтобы попытаться вызволить меня, но папаша прогнал его с помощью ружьяца, и это продолжалось так долго, что я привык к такой жизни, и мне в конце концов она стала даже нравиться, всё, кроме плётки и синяков. Это было классно и весело, каждый день ничего не делать, курить и ловить рыбу, ни книг тебе, ни учебы.

Прошло ещё два месяца такой лафы, и моя одежда превратилась в какие-то грязные лохмотья, и я уже не понимал, как мне когда-либо нравилось жить у вдовы, где ты должен был всё время мыться, есть с тарелки вилкой и ложкой, всё время орудовать расчёской, и ложиться спать по расписанию, как будто ты рабочий в порту, и вовремя вставать, как солдат, не выпускать книгу из рук, и чтобы при этом старая мисс Уотсон всё время не донимала тебя упрёками, что ты не знаешь, что сказал Моисею горящий куст, и не можешь указать место на карте, где он добывал свою целительную мацу. Упаси Боже! Я больше не хотел возвращаться туда. Там я перестал ругаться, потому что вдове это не фортило, но теперь я снова стал сквернословить, и у моего папы по этому поводу не было никаких возражений, тем более что я достиг в сквернословии такой виртуозности и мастерства, что иной раз заслуживал похвалы самого папы. Вообще говоря, жить в лесу было вовсе не плохо, я вам точно говорю!

Но к тому моменту папулёк так распустился, и так стал меня без всяких причин лупить палкой, что я наконец не выдержал. Я был весь в синяках. А вот в битьё мастером был он! Он так увлекся этим делом, что теперь меня запирали всегда. А дома ему совсем теперь не сиделось. Однажды он запер меня, и его не было три дня. Мне было страшно одиноко. Я предполагал, что он утонул, и больше мне вообще из избушки не выбраться. Я испугался до чёртиков. И я

решил, что надо уходить подобиру-поздорову. Я пытался выбраться из этой хибары много раз, но у меня ничего не получалось. Там не было ни одного окна такого размера, чтобы хоть собака пролезла. Дымовая труба сразу отпала – она была слишком узкой. Дверь была толстенная, сплошные дубовые доски. Папашка был очень осторожен, и позаботился, когда он был в отъезде, чтобы случайно не забыть нож или что-нибудь острое внутри. Я полагаю, во время его отсутствия я обыскал всё по крайней мере раз триста, у меня всё равно не было никакой возможности проводить время по-другому. Но на этот раз я наконец что-то нашел действительно ценное. Я нашел старую ржавую пилу без ручки, он её спрятал между стропилами и дранкой. Я смазал её, привёл в божеский вид и, ни минуты не мешкая, принялся за работу. В дальнем углу нашей хибары, прямо за столом было приколотая старая конская попона, чтобы ветер не дул сквозь щели и не гасил свечу. Я забрался под стол, поднял попону, и стал что было сил пилить брёвна, чтобы получить достаточно широкий проход, через который можно было бы пролезть наружу. Ну, я оттягивался этим довольно долго, и почти допилил брёвна до конца, когда услышал выстрел в лесу. Я быстро прибрал вокруг весь мусор и привёл всё в прежний вид – уронил одеяло на место и спрятал пилу. Довольно скоро явился мой папуля.

Папуля был в скверном настроении, в общем, в таком же, в каком был всегда. Он сказал, что он шляется в даун-тауне, и все пошло не так, как надо. Его адвокат сказал, что он выиграет это дело и сдерёт с вдовы все деньги, какие ему причитаются, если удастся когда-нибудь приступить к судебному разбирательству, но могут отсрочить его надолго, и судья Тэтчер в этом великий мастак. Он ещё сказал, что по слухам какие-то жалкие людишки готовятся провести ещё один судебный процесс, чтобы отнять меня у него и сделать вдову моим опекуном, и они надеются, что на этот раз выиграют дело. Это сильно потрясло меня. Я больше не хотел возвращаться к вдове и опять начинать жить такой стеснённой, «цивилизованной» жизнью, как они это величали. Я знал по себе, что стоит только выпустить птичку из клетки, как она никогда не захочет жить взаперти, даже с дармовой едой. Затем старик стал ругаться и всё ругался, ругался на любого, кто на язык ему приходил, не пропуская при этом никого из окружающих, и в выражениях совершенно не стеснялся, а потом стал ругаться на всех разом, для блезира скорене, в том числе на тех, кого совершенно не знал по имени и с кем никогда не встречался, что не мешало поливать ему их по полной. Не знаю, ругался ли он на бога и высшие силы, ну, на Божественное Провидение например, или на Моисея, но думаю – он и их мог облить навозом в два счёта!

Он буквально визжал, что, мол, мы ещё посмотрим, как у вдовы получится забрать меня. Он орал, что будет следить за мной в четыре глаза, и если они попытаются на него напасть, у него есть место в шести-семи милях отсюда, где он укроет меня так, что они могут охотиться, пока не упадут и не умрут, а всё равно меня им не видеть, как своих ушей. Это снова вызвало у меня беспокойство, но только на минуту. Я знал, что ещё получу свой верный шанс, чтобы сбежать и больше не быть у него под рукой и в дальнейшем не попадаться ему на глаза.

Потом старик заставил меня пойти к лодке и принести вещи, которые у него там были. Там был пятидесятифунтовый мешок с кукурузной мукой, а также здоровенный кусман бекона, патроны и приличный кувшин виски, а также старая книга и две газеты для изготовления пыжей, помимо куска пакли. Я вытащил груз на берег и сел на носу лодки, чтобы отдохнуть. Я все это обдумал, и понял, что когда я убегу, я пойду в лес и обязательно захвачу батино ружьецо и его удочки. Удочки у него, надо сказать, были отличные! Мне было ясно, что оставаться в одном месте, когда я убегу, будет уже нельзя, а надо будет бродить по всей стране, как бродят заезжие циркачи, и перемещаться в основном в ночь, и охотиться и рыбачить, чтобы выживать, тоже ночью, как охотятся лисы и шакалы, и уйти так далеко, чтобы старикану в голову не пришло, где я, и вдова тоже никогда не могли найти меня. Я решил улизнуть той же ночью, если мой папочка прилично накуасится, и рассчитывал, что он это по своей привычке

обязательно сделает. Я так размечтался, что не заметил, как долго оставался там, пока старик не окрикнул, спросив, уснул я что ли, или утонул?

Пришлось идти к нему. Пока я перетаскивал вещи в избушку, как-то стремительно стемнело. Я стал готовить ужин, а старик в это время пару раз глотнул из бутылки, и опять не на шутку разошёлся, потому что был пьян вдрызг. Я мог бы сказать, что он был пьян вдребезги! Он напился ещё в городе, и весь день пролежал в придорожной канаве, и теперь был в жутком состоянии. Такие люди, как мой папа, вообще любят подобные места – придорожные канавы, мучные склады, дровни или кусты крапивы или придорожные лопухи. Их мёдом не корми – только дай ударить мордой в дерьмо! Это было бревно, Адам, не выбравшийся из грязи! То есть из глины! По-моему там глина была красной! Всякий раз, когда его раззадоривало спиртное, он чаще всего накидывался на правительство, в котором видел источник всех своих бед, вот и на этот раз он заявил:

– Ну и правительство! Тьфу, какая гадость! Один другого лучше! Просто посмотрите на них! Нет, ну вы посмотрите, что это такое! Твари поганые! Мрази! Мерзавцы! Беспредельщики воровские! Я за таких не голосовал! А те, кто за них голосовал – точно твари! Это что у них за законы? Это и есть закон, когда отнимают сына у человека – собственного сына у отца, который о нём заботился, беспокоился и тратил деньги? Плакал над люлькой долгими бессонными ночами! Пеленал и кормил грудью! Да, точно так же, как этот человек наконец поднял сына и ждёт, что тот готов пойти на работу и начать суетиться ради куска хлеба своего отца, готов дать ему отдохнуть, поднести кружечку... воды... закон тут как тут! Явился – не запылел! Это что за бардак такой? Я спрашиваю! И они называют это правительством! Твари! Мрази мерзкие! Как бы не так! Это никакое не правительство – это свора мерзких, грязных преступников и проходимцев! На них пробы негде ставить, я так скажу! Это еще не всё! Закон поддерживает этот престарелого дурня – судью Тэтчера и помогает ему оставить меня без капиталов! Все мои сбережения отняты этим правительством! Я плачу в горе и бедности, а они пляшут и гуляют на мои деньги! Я вам попляшу, гниды! Вот что делает закон: закон выгребает у человека шесть тысяч долларов наличностью и даже более того, и заталкивает его в старую мышеловку, в грязную конуру, подобную этой, позволяет ему щеголять перед крысами в рваных лохмотьях, какими свиньи бы побрезговали. И они называют это правительством! Будь я проклят, если это правительство, а не вредительство! Человек не может защитить свои законные права! Человек труда не защищён! Где мои законные права? Где? Да что там говорить, может убраться из этой чёртовой страны куда глаза глядят? Подобру-поздорову! Да, я так и сказал им! Я сказал старому Тэтчеру прямо в лицо! Мол, так и так! Многие из них слышали меня и могли бы подтвердить, что я им так сказал. Прямо в глаза сказал! Ухнул! Говорю, что я ни в грош не ставлю эту проклятую страну, всё её проклятое правительство, трижды проклятое население, всех этих разноцветных жлобов, и я никогда, слышите, никогда не вернусь в неё по собственной воле! Пусть меня вяжут, пытаются и жгут калёным железом – не вернусь! И это называется родина! Уродина! Вот мои слова. Я говорю, посмотрите на мою шляпу, если вы осмелитесь называть это шляпой, посмотрите – верх отвалился, а всё остальное опустилось ниже подбородка, ниже плинтуса всё обвалилось, это совсем не шляпа, но скорее моя голова в печной трубе. Посмотрите на меня, граждане, я вам говорю, и такую шляпу носит один из богатейших людей в нашем городе, человек, которого лишили всех его прав и сбережений!

О, да, замечательное у нас правительство, замечательное! Просто класс! Да посмотри ты! Там был свободный ниггер из Огайо – мулат, почти совсем белый, как белые люди. У него была самая белейшая рубашка, которую вы когда-либо видели, и самая блестящая шляпа! В этом городе нет человека, у которого такая прекрасная одежда, как у него; и у него золотые часы и цепочка, и серебряная трость – ну просто какой-то ужасающий набоб в белом государстве. И что ты думаешь? Они сказали, что он был учителем в колледже и мог говорить на всех языках и знал всё. Вот так повод. Они сказали, что он может голосовать у себя дома. Я вообще-то

холоден, как кремь! Ну, это меня просто взорвало. Вот я и думаю, до чего докатилась эта долбанная страна? Это был как раз день голосования, мать его за ногу, и я собирался пойти и проголосовать за кого-нибудь, если не буду слишком пьян, чтобы туда добраться, но когда они сказали мне, что в этой стране государство, где они разрешают этому негру голосовать, я отвалил. Я просто в шоке! Я говорю, что никогда не буду голосовать. Вот мои слова, и я истинно говорю вам, слушайте меня, пусть эта страна провалится в тартары – я никогда не буду голосовать, пока жив. И смотри, как классно пристроился этот ниггер, как классно он ведёт себя, я ведь насквозь его вижу, он не уступил бы мне дорогу ни за какие коврижки, если бы я не отшвырнул его. Я говорю вам, почему этот негр не выставлен на аукционе и не продан? Да! Я хочу знать, почему? И что ты думаешь, что они ответили? Ха, они сказали, что он не может быть продан, пока не проживёт в Штате шесть месяцев, а он еще не был там так долго. Вот-вот, это образец для нас! Они называют это законодательством, по которому нельзя продать вольного ниггера, пока он не находится в государстве шесть месяцев. Это заговнодательство какое-то! Вот правительство, которому всё позволено, и оно правит, и рулит, и думает, что это правление, когда нужно морочить голову целых шесть месяцев, прежде чем оно сможет завладеть беглым, воровским, адским, бело-безголовым вольным ниггером, и...

Папаша до того распалился, что уже не замечал, куда его несут его старые ноги, тут он наткнулся на бочонок с солёной свининой и полетел вверх тормашками, ободрав себе колени, а потом стал поливать ниггеров и правительство самым отборным матом, хотя и бочонку тоже прилично от него досталось. Он прыгал по избе, сначала на одной ноге, а затем на другой, держась то за правую голень, то за левую, и, наконец, внезапно выбросил левую ногу и обвалил бедный бочонок грохочущим ударом. Но это было очень неразумное решение, потому что на нём был ботинок, из которого торчали в разные стороны два голых пальца, так что в итоге он так завопил, что у меня на голове волосы встали дыбом. На нагорную проповедь он сейчас был точно не способен! Он повалился в самую грязь, стал кататься по полу, схватив ушибленные пальцы, и повалился вопить и ругаться так, что его прежняя ругать по сравнению с этой была просто нежным детским лепетом. Он сейчас это подтвердил своими воплями. Ему привелось послушать в стародавние, лучшие времена ругань старого Соубера Хэгана, и теперь он, по его словам, положил его криком и матом на обе лопатки, но я счёл это всё же преувеличением.

После ужина папашка захватил кувшин и заявил, что у него хватит виски ещё для двух дебошей и одной белочки. Он всегда так говорил. Я прикинул, что он будет в уме примерно через час, а потом я украду ключ или освобожу себя при помощи пилы, одно из двух. А он пил и пил, и потом рухнул на одеяло. Но мне не подфартило. Он не заснул, а только беспокойно ворочался, как слон в берлоге, стонал, блеял и корчился на кровати бесконечно долго. Наконец мне так захотелось на боковую, что сами глаза мои стали слипаться, и в одно мгновение, прежде чем я смог что-то понять, я крепко спал, а свеча осталась коптить.

Я не знаю, сколько мне удалось поспать, но внезапно раздался ужасающий крик. Я вскочил. Папаша выглядел дико, вращаясь волчком, каждый раз кричал о змеях?

– Змеи! Змеи! Они здесь! Они ползают по моим ногам!

Он всё время прыгал и кричал, что его укусили в щеку, но я, разумеется, не видел никаких змей. Он начал и бегал по хижине, крича:

– Сними её с меня! уберите её! Она укусила меня в шею! О Господи!

Я никогда не видел, чтобы человек имел такой дикий, необузданный вид. Довольно скоро он весь измотался, и упал, тяжело дыша, затем он снова стал быстро кататься по полу, и при этом пинал всё, что попадалось под его руки и ноги, ударит, потом хватает воздух руками и кричит:

– Ловите его! Хватайте! Помогите! В меня вселился дьявол!

В конце концов он совсем изнурил себя, и долгое время лежал, постанывая без сил. Затем он совсем успокоился и лежал тихо, не издавая ни звука. Я слышал, как в лесу ухают

совы и завывают волки, и мне стало совсем тошно. Он лежал за углом. Потом он приподнялся на локте и прислушался, склонив голову в сторону. И говорит, очень низко, замогильным басом, каким по слухам разговаривают мертвецы и вампиры:

– Бродяга-бродяга-бомж! Это мертвые бредут! Ву-ууууу! Бродяга-бомж-бродяга! Они идут за мной, но я с ними не пойду! О, они здесь! Не трогай меня, клюв! Руки ледяные! Пустите! О, пусть бедный дьявол один!

Затем он встал на четвереньки и стал так бегать, очень шустро, умоляя их оставить его в покое, потом закатался в одеяло по самые брови, и забившись под старый сосновый стол, все еще гримасничая, завывая, попрошайничая и умоляя не трогать его и пожалеть, пошёл плакать во всю ивановскую. Я слышал его даже через одеяло, которым укрылся с головой.

Постепенно он выкатился из-под стола, вскочил на ноги, выглядя ещё более дико, чем раньше, и он увидев меня, стал за мной гоняться. Он гонялся за мной по всей хижине с раскладным ножом, называя меня Ангелом Смерти и говорил, что убьет меня, и я больше не буду приходить к нему. Я умолял и кричал ему, что я всего лишь Гек, Гек, его сын, но он смеялся над этим гомерическим смехом, ревел и ругался, продолжая преследовать меня по всей избушке. Однажды, когда я обернулся и уклонился от ножа, который пролетел под мышкой, он схватил меня за куртку сзади и уже наверно думал, что схватил меня, но я с быстротой молнии выскользнул из куртки, и тем спас себя. Довольно скоро он все же устал и упал спиной к двери. Затем он сообщил мне, что вот он отдохнет минуту, а потом убьет меня. Он положил нож себе на живот и сказал, что сейчас он только чуть-чуть отдохнёт и поспит, а потом все увидят, кто тут есть кто.

Так что он скоро задремал. Тут я, стараясь действовать как можно тише и не шуметь, достал старый стул с проваленным дном, встал на него и подтянулся, как только мог, и снял ружье со стены. Я сунул в него шомпол, чтобы убедиться, что он был заряжен, а затем я положил его на бочонок с репой, направив ствол на папочку, и уселся за ним, чтобы дожидаться его пробуждения. И как же медленно, тягостно тянулось время!

ГЛАВА VII

– Парень! Чего это с тобой?

Я открыл глаза и огляделся, пытаюсь разобраться, где я. Это было утром, после восхода солнца, и значит, я крепко спал очень долго. Папочка стоял надо мной и смотрел на меня. Выглядел он кислым, помятым и больным. Он говорит: «На что тебе ружьё?»

Я понял, что он ни черта не помнит о том, что он тут вытворял, поэтому я говорю:

– Кто-то пытался ворваться, так что я дежурил с ним!

– Почему ты не растолкал меня?

– Ну, я пытался, но я не мог! Я не мог сдвинуться тебя с места!

– Ну да ладно. Давай пошевеливайся, что студнем стоять, иди погляди, попалась ли рыба на завтрак. Я проверю через минуту. Он отпер дверь, и помчался вдоль берега, как молодой. Я заметил, что всякий сор, кора и ветки плывут по реке, река стала прибывать. Эх, подумал я, забот бы не знал сейчас, если бы остался в городе! Ранний июнь всегда был удачен для меня, потому что, как только начало июньское половодье, мимо всегда плыли куски бревенчатых плотов – иногда по целой дюжине бревен, поэтому все, что вам нужно было сделать – это поймать их и продать на дрова в лесопилке. Я шел по берегу и одним глазом посматривал на папашу в другом – на то, что может сплавляться по реке. Ну, смотрю, прямо передо мной плывёт пустое каноэ – просто красotka, тоже около тринадцати или четырнадцати футов длинной, с носом, как у утки. Я тут сиганул вниз головой в воду, как лягушка, прямо в одежде, и вынырнул прямо около него. Я, конечно, думал сначала, что внутри что-нибудь спрятался, потому что люди часто делали так, чтобы поприкалываться над дурачками – когда парень клюнет на их приманку, они тут же поднимутся и посмеются над ним. Но на этот раз было не так. Это был дрейфующий каноэ, и я вцепился в него и вытащил его на берег. Думает, что старик будет рад, когда увидит это – каноэ, как-никак стоит десять баксов. Но когда я добрался до берега, отца еще не было видно, и тогда я проводил лодку в небольшой ручей, который тёк из оврага. Весь овраг был увит виноградом и там везде росли ивы. Меня посетила гениальная мысль, дай-ка, думаю, спрячу каноэ понадежней, а затем, вместо того, чтобы идти в лес, когда я убегу, спуститься вниз по реке миль пятьдесят и стать лагерем в одном месте навсегда, всё не пешедралом пёхать!

Это место было совсем близко к лачуге, и всё время опасался, что с минуту на минуту из чащобы вынырнет старик, но я успел припрятать свою находку, а затем вышел и увидел кучу ив. Тут на дороге появился старик, который целился ружьём в какую-то птицу. Поэтому он явно ничего не видел. Когда он подвалил ко мне, я стал чересчур усердно тянуть из воды леску. Он немного поругался на меня за то, что я чересчур копаюсь; но я сказал, что упал в реку, и поэтому всё делается не так быстро. Я знал, что он увидит, какой я мокрый, а потом только будет задавать вопросы. У нас было поймано на леску пять сомов, и я поволок их домой. Мы оба утомились очень, и после завтрака устроились поспать одетыми, и я подумал, что если я смогу выдумать какой-то способ удержать папашу и вдову, чтобы они потом не искали меня, это будет чем-то более определенным, чем полагаться на удачу. Ведь если не уйти достаточно далеко, прежде чем они хватятся меня искать, вы сами видите, всё может не так. Что ж, я не мог придумать ни малейшего способа, как это сделать, но тут батя поднялся с кровати напиться, и говорит:

– В следующий раз, когда этот проходимец заявится сюда, ты меня сразу тормози, слышишь, сынок? Этот человек не добьётся здесь ничего хорошего! Я его просто пристрелю! В следующий раз буди меня, слышишь?

Затем он упал и снова заснул; но то, что он мне сказал, подсказало мне самую идею, которую я так истощно искал. Я обрадовался, что теперь я могу это дело исправить, и устроить всё так, чтобы никто из них меня не искал, когда я сбегу от него втихаря.

Около двенадцати часов мы вышли из хижины и пошли вдоль берега. Река поднималась очень быстро, и по ней плыло много брёвен. Тут нам попалась часть плота из девяти-десяти брёвен. На лодке мы отбуксировали плот на берег. Потом пообедали. Любой другой на месте папы, посвятил бы весь день тому, чтобы выловить побольше брёвен, но это было не в его стиле. Ему вполне хватило девяти брёвен, и он загорелся идеей дунуть в город и поскорее продать добычу. Примерно в половине третьего он запер меня, взял лодку, и начал буксировать плот. Я уразумел, что той ночью он не вернётся домой. Я подождал, пока он не удалился достаточно далеко, а затем вынул пилу и снова занялся своим бревном. Прежде чем он достиг другого берега реки, я вышел на свободу. Когда я вышел из избушки, он и его плот были просто едва видимым пятнышком на воде.

Я взял мешок с кукурузной мукой и дотащил его туда, где было спрятано каноэ, отбросил виноградные лозы и ветви, и кинул мешок туда, то же самое я сделал с куском бекона, затем перенёс в каноэ кувшин виски. Ещё я взял весь кофе и сахар, и все патроны вместе с пыжами. Готовился я основательно, к своим запасам добавил ведро и пустую тыкву, взял ковш и оловянную чашку, мою старую верную пилу и два одеяла, а также сковородку и старый кофейник. В лодку полетели рыболовные снасти и прочая мелочёвка – все стоимостью не больше цента. Я обобрал папулю дочиста. Мне нужен был топор, но его не было, только тот, кто застрял в дровах, и я знал, почему я собираюсь его оставить. Я вытащил ружьё, и этим закончил погрузку.

Я хорошо подпилил стену, чтобы вытащить так много вещей. Пришлось засыпать вырытую нору землёй, чтобы скрыть опилки. Затем я вернул выпиленный кусок бревна на его место и подложил под него два камня, а один присобачил сбоку, чтобы бревно держалось там, где был выгиб. Если бы вы встали на расстоянии четырех или пяти футов, и не видели моей работы, вы бы никогда не заметили, что тут что-то пилили, и, кроме того, это была задняя часть хижины, и, похоже, никто бы не стал заглядывать туда. По пути к каноэ я шёл по траве, поэтому никаких следов не было видно. Тут я внимательно огляделся. Я стоял на берегу и видел перед собой всю реку. Все было спокойно. Поэтому я взял ружьё и углубился в лес, думая поохотиться за птицами, когда увидел дикого поросёнка, свиньи здесь часто дичают, когда сбегают с окрестных ферм. Я застрелил его и отнёс к хижине.

Я взял топор и стал рубить им дверь. Довольно быстро мне удалось взломать её. Я притащил поросёнка и доволоч его почти до стола, перерубил ему горло и положил на землю, чтобы кровь стекла. Я говорю «на землю», потому в избушке не было даже намёка на деревянный пол, а был только сильно утрамбованный грунт. Ну, потом я взял старый мешок и набросал в него много больших камней – столько, сколько мог перенести, – и я начал тащить прямо от свиньи, и потащил его к двери, а потом через лес к реке и сбросил вниз, он упал и пропал из поля зрения. Все могли бы легко убедиться, что кого-то протащили по земле. Как мне хотелось, чтобы Том Сойер был рядом! Я знал, что ему это дело понравилось бы, и он придумал бы что-нибудь позакovskyстей. С такой ситуацией никто бы не справился лучше Тома Сойера!

Ну, в заключение я вырвал несколько клочков волос из своей шевелюры, хорошенько измазал топор в крови, прищипал волосы к его тыльной стороне, и бросил топор в угол. Затем я взял поросёнка, хорошо завернул его в куртку, чтобы с неё не капала кровь, отнёс поросёнка подальше от дома, а затем бросил его в реку. Теперь мои мысли были о другом. Поэтому я вернулся и достал из каноэ мешок с мукой и мою старую пищу и притащил их к дому. Я поставил мешок туда, где он стоял раньше, и пилой разорвал его внизу, у нас ведь не было там ни ножей, ни вилок, всё делалось складным ножом. Затем я протащил мешок около ста ярдов через траву и через ивы к востоку от дома, до мелкого озера, которое было пятью милями в ширину и всё заросло камышами, и было полно уток, которых можно было бить весь

сезон. С этой стороны озера вытекала небольшая болотистая речушка ручей, я не знаю, где он впадал в реку. Мука сыпалась в дырку и от мешка оставалась небольшая дорожка до самого озера. Тут же я специально уронил точильный камень папы, чтобы всё выглядело так, как будто всё произошло случайно. Затем я завязал дырку в мешке верёвкой, чтобы мука больше не сыпалась, и снова отнёс его вместе с пилой в каноэ.

Было уже темно, я довёл каноэ по реке до больших ив, широко раскинувших кроны над крутым берегом, и ждал, когда взойдёт луна. Я быстро пристал к иве, а затем решил перекусить, после чего лёг в каноэ, выкурил трубку и стал обдумывать свой дальнейший план. Я говорил себе: они пойдут по следам мешка с камнями на берег, а затем будут искать моё тело в реке. И они последуют за мучным следом к озеру и отправятся по ручью, вытекающему из него, чтобы найти разбойников, которые убили меня и украли вещи. В реке им нечего искать, кроме моего мёртвого тела. Они быстро устанут от этого и скоро забудут обо мне. Отлично! Я могу остановиться везде, где мне заблагорассудится. Остров Джексона неплох для меня! Я знаю этот остров довольно хорошо, и никто никогда туда не плавает. И ночью я могу отправляться в город, и умыкнуть там вещи, которые мне нужны. Остров Джексона – вот это место, так место! К тому времени я очень устал, и даже не заметил, как заснул. Когда я проснулся, я не понял, куда меня занесло. Я продрал глаза и оглянувшись, немного испугался. Потом я вспомнил. Река раскинулась вокруг на многие-многие мили. Луна была такой яркой, что я мог сосчитать дрейфующие в воде бревна, они скользнули мимо меня, черные и неподвижные, в сотнях ярдов от берега. Все было тихо, и было так поздно, и пахло чем-то поздним. Какой-то гнилью, что ли... Вы понимаете, что я имею в виду, – я не могу подобрать слов, чтобы они подходили. Я только начал потягиваться и зевать, и уже собирался отчалить и двинуть дальше, когда услышал какие-то неясные звуки над водой. Я прислушался. Довольно скоро я всё понял. Это был нудный шум с плеском, который исходит от весел, тихо загребаящих воду глубокой ночью. Я взглянул через ветви ивы, и вот он откуда шёл – это была лодка, причём довольно далеко, почти у того берега. Я не мог сказать, сколько в ней было людей. Кто-то продолжал грести, и держал курс неподалеку от меня, я так и не разглядел в ней людей. А потом думаю, может быть, это папка вернулся, хотя я теперь и не ожидал его появления. Он опустил ниже меня по течению, и двигался довольно быстро и легко, и наконец, подошел так близко, что я смог бы коснуться его ружьём. Ну, это был, конечно, папа, и трезвый, кстати, судя по его ловкой работе с вёслами.

Я тоже не терял времени. В следующую минуту я как кошка мягко, но быстро заскользил в тени деревьев. В считанные минуты я сделал две мили с половиной, а потом подобрался на четверть мили или чуть больше к середине реки, потому что довольно скоро я должен был проплывать мимо паромного причала, и люди могли увидеть меня или даже окликнуть. Я плыл вместе в брёвнах, а затем улегся на дно каноэ и позволил ей плыть самой.

Я лежал там, хорошо отдыхал и пускал дым из трубы, глядя в небо. На небе не было ни облачка. Небо выглядит так глубоко, когда ты лежишь на спине в лодке поздней ночью и смотришь на далёкие, яркие звёзды! Раньше я этого не знал. И как далеко на воде можно слышать любой звук в такие ночи! Я слышал, как люди разговаривали на пароме. Я даже слышал, что они сказали, – каждое слово. Один человек сказал, что приближается время длинных дней и коротких ночей. Другой сказал, что эта ночь точно не из коротких, он считал, – и затем они засмеялись, и он снова это повторил, и они снова засмеялись. Затем они разбудили другого парня и сказали ему всё то же самое, и засмеялись, но он не рассмеялся; он закричал в ответ и велел оставить его в покое. Первый мужчина сказал, что он обязательно передаст всё своей старушенции, – ей наверняка понравится, да только раньше шуточки были позабористее. Я слышал, как один человек сказал, что сейчас почти три часа, и он надеялся, что дневной свет не будет ждать больше, чем на неделю. После этого разговор все больше и больше затихал,

уходя вдаль, и я больше не мог разобрать слов, но я слышал невнятный говор, а потом и смех, который не затихал дольше всего.

Теперь я был ниже парома и пристани. Я поднялся, и увидел остров Джексона, примерно в двух с половиной милях вниз по течению – тяжелый, тёмный брус, высящийся прямо посреди реки, большой, угрюмый и неподвижный, как огромный пароход, лишённый огня. В верховье не было никаких признаков отмели – теперь вся она была под водой.

Мне не потребовалось много времени, чтобы добраться туда. Я пронёсся пулей мимо головы острова, таким быстрым был поток, а затем попал в зону мертвого штиля и причалил к берегу со стороны Иллинойса. Я затолкал каноэ в глубокую пещеру в берегу, о которой знал лишь я один. Мне пришлось раздвигать ветви ивы, чтобы двигаться по узкому проливу, и, когда я это сделал быстро и незаметно, никто не мог видеть каноэ извне.

Я поднялся на берег и сел на бревно в верхней части острова, и стал смотреть на большую реку и черные коряги, плывущие прочь к городу, уже спавшему в трех милях отсюда, и там мерцало всего три или четыре огня. Чудовищный большой бревенчатый плот кочевал примерно в миле вверх по течению, он тяжело двигался вниз по реке, с фонарем посередине. Я смотрел, как он медленно наплзает на меня, и когда он пошёл курсом прямо туда, где я стоял, я ясно слышал, как какой-то человек крикнул:

– Забирай веслом! Бери правее!

Я слышал это так же ясно, как если бы тот мужчина был рядом. Теперь в небе появилось немного серого цвета, и я вошел в лес и лёг поспать перед завтраком.

ГЛАВА VIII

Когда я проснулся, Солнце было уже очень высоко, и я прикинул, что сейчас около восьми часов утра. Я лежал в траве, овеваемый прохладой, думая о приятных вещах, чувствуя себя отдохнувшим, довольным, и находящимся в прекрасном настроении. Я мог видеть Солнце в одном или двух просветах листвы, но в основном это были большие деревья, и сквозь их мрачные кроны солнечный свет пробивался едва-едва. На земле были веснушчатые места, там свет просеивался через листья яркими пятнами, и эти веснушки немного подрагивали и менялись местами, отзываясь на слабый ветерок, то и дело пробегавший по кронам. Несколько белок, став на лапки, приветствовали меня весьма дружелюбно.

Я сильно обленился и привык к удобствам – мне совсем не хотелось вставать и готовить завтрак. Ну вот, я снова задремал, и только стал видеть сны, как услышал глубокий звук «бум!», доносящийся с середины реки. Я вздрогнул, привстал на локоть и стал прислушиваться, довольно скоро я услышал это снова. Я вскочил, вскарабкался наверх и пошёл, и посмотрел в дыру между листьями, а там дым, лежащий на воде длинным хвостом прямо вокруг парохода. И на пароходе было полно людей, и он шёл вниз по реке. Я знал, что сейчас снова раздастся это «Бум!» И вот я вижу белую дымовую завесу со стороны парома. Понимаете, они стреляли из пушки над водой, пытаясь заставить мой хладный труп всплыть на поверхность.

К тому времени я уже довольно сильно проголодался, но не мог зажечь костёр, потому что они могли увидеть дым. Поэтому я сидел на месте, наблюдая за дымом на реке и слушая частые пушечные выстрелы. Река была там не меньше мили шириной, и вид её летним утром был изумителен, так что у меня было достаточно времени, чтобы видеть, как они ловят мой труп, если бы только была возможность перекусить. Ну, тут мне припомнилось, что всегда ставят ртуть в хлебах и пускают их по реке, потому что эти хлеба всегда плывут прямо к утопленнику и останавливаются всегда прямо над ним. Ну, думаю, буду следить, и если одна из этих штук из них поплывет за мной, я покажу им шоу. Я перебрался на край острова со стороны Иллинойса, чтобы посмотреть, удастся ли мне поймать хлеб. Я думал, что мне повезёт с первого раза. И тут приплывает большая буханка, я пытаюсь поймать её с помощью длинной палки, но тут моя нога соскользнула, и буханка уплыла от меня. Конечно, я был там, где течение сильное, ближе всего к берегу, я знал это достаточно хорошо. Но к тому времени подплыла еще одна буханка, и на этот раз я был на высоте. Я вынул пробку и вытряхнул маленький шарик ртути и вонзил зубы в хлеб. Это был «хлеб хлеба» – прекрасный, свежий, ароматный каравай, какой едят одни богачи. Я уже забыл, что такой хороший хлеб существует в природе, это ведь не ваши дрянные плоские кукурузные лепёшки!

У меня были причины быть всем довольным. У меня был вкусный хлеб, и зубы, чтобы его жевать, было бревно, на котором можно было удобно сидеть, и я имел прекрасную возможность наблюдать из-за листьев за происходящим на реке. И тут что-то как молнией шарахнуло меня. Меня просто осенило. Вот, думаю, теперь мне понятно, что вдова или пастор или кто-то молились, чтобы этот хлеб отыскал меня, и вот он поплыл и отыскал меня. Поэтому нет никаких сомнений, что в этом что-то есть, то есть что-то есть в том случае, если молятся вдова или пастор, а мне и пытаться не стоит, не выгорит, я думаю, что это работает только у правильных людей. И Моисей, если бы дожил до этого времени, уж точно разобрался бы со всем этим!

Я закурил трубку и долго пытел, продолжая внимательно посматривать за происходящим. Пароход плыл по течению, и я предположил, что у меня будет шанс увидеть, кто на борту, когда пароход подойдёт поближе к месту, где причалил мой хлебец. Когда пароход подошёл совсем близко, я вытащил трубку и пополз туда, где выловил хлеб, и лежал за бревном на берегу в маленькой прогалине. Там, где бревно было раздвоенно, я мог прекрасно глядеть и не опасаться, что меня самого заметят. Постепенно пароход подошёл, и дрейфовал так близко, что

они могли прыгнуть с палубы на берег. Большинство из них были в лодке. Папа, судья Тэтчер, Бесси Тэтчер, Джо Харпер, Том Соьер, и его старая тетя Полли, Сид и Мэри, и многие другие – все были здесь. Все говорили об убийстве, но капитан взорвался и сказал:

– Смотрите в оба, будьте внимательны, здесь течение, и возможно, его вынесло на берег, и он запутался в водорослях у кромки воды! Во всяком случае, будем надеяться на это!

Они все собрались и наклонившись над перилами, почти надо мной, продолжали выискивать изо всех сил мой бездыханный труп. Я классно их видел, но они меня не видели совсем. Затем капитан прохрипел:

– Назад!

И пушка произвела такой жуткий взрыв прямо передо мной, что у меня чуть уши не отвалились от грохота, а мои глаза чуть не выело дымом, и я решил, что мне кирдык. Если бы они стреляли ядрами, я полагаю, у них появился бы труп, который им был так желанен. Ну, я пришёл в себя, смотрю, всё кончилось вроде вполне благополучно. Пароход отчалил и уже быстро скрывался из поля зрения за мысом. Я слышал, как он уходил, быстро-быстро, всё быстрее и быстрее, быстро-быстро, всё дальше и дальше, и через час я уже больше ничего не слышал. Остров был длиной примерно в три мили. Я судил, что они обошли его целиком до ступни на том дело и кончилось. Но они еще не всё закончили. Они покружили вокруг подножия острова и заплыли в рукав на стороне Миссури и под паром быстро шли по протоку. Я перебрался на другую сторону и наблюдал за ними. Когда они добрались до самой верхотуры острова, они бросили бесполезную стрельбу и вернулись к берегу Миссури, чтобы отправиться домой в город.

Я знал, что для меня теперь всё в порядке. После такого меня никто не стал бы искать. Я вытащил свой скарб из каноэ и соорудил хорошее гнездо в самом густом лесу. Я сделал из своих одеял что-то вроде шатра, дабы они не мокли во время ливня. Я поймал сома и выпотрошил его при помощи моей пилы, и к закату изжарил его на костре и поужинал. Затем я забросил снасти, чтобы поймать рыбу на завтрак

Когда совсем стемнело, я расположился около костра с трубочкой, и довольно долго кайфовал, а потом, когда мне стало скучновато, пошел на берег и до глубокой ночи слушал плеск волн, считал звезды на небе и плывущие бревна и плоты в воде, а затем лёг спать. Нет лучшего способа убить время, когда вы одиноки, чем заснуть глубоким сном – уснул, и скуки нет, как и в помине.

Так прошли три дня и три ночи. И всё это время было одно и то же. Но на четвёртый день я отправился исследовать мой остров. Я был его полновластным хозяином, всё здесь принадлежало мне, как бы это получше выразиться, и я хотел знать всё об этом острове. Своё имущество надо порой считать назубок! Но, честно говоря, в основном я хотел убить время. Я нашел много клубники, спелой и очень крупной, зеленый виноград, какие-то ягоды, зеленая ежевика только начинала завязываться. Судя по всему, всё это со временем могло мне пригодиться. Ну, я пошел дурачиться в глубокой чаще, забрёл в несусветную глушь где-то в глубине острова. У меня было ружьё, но я не стрелял из него, оно было у меня скорее для защиты. Я подумал, что лучше подстрелить добычу поближе к жилищу. Примерно в это же время я чуть не наступил на змею очень приличного размера, и она ускользнула на цветущем лугу, а я погнался за ней, чтобы подстрелить. Я сгруппировался, и внезапно оказался прямо у своего, уже догорающего костра.

Мое сердце трепыхнулось в груди. Я не стал медлить и, взяв на изготовку ружьё и тихо спустив курок, двинулся дальше, потом стал красться на цыпочках так быстро, как только мог. Время от времени я останавливался на секунду среди толстых стволов и прислушивался, но мое дыхание было таким тяжелым и бурным, что я почти ничего не слышал. Потом я возобновлял движение и пройдя какое-то расстояние, замирал и снова прислушивался. И так всё время. Если я видел пень, я принимал его за человека, если я наступал на палку, и она хрустела

под ногами, я испытывал такое ощущение, как будто, кто-то перерезал одно из моих дыханий пополам, и осталась только половинка, да и та короткая.

Когда я добрался до лагеря, я не чувствовал себя очень уж нахальным и уверенным в себе, у страха, как говорится, глаза велики, но я говорил, сейчас не время дурака валять! Поэтому я снова забрал весь мой скарб в каноэ, чтобы убрать их с глаз долой, а потом я погасил огонь и разбросал пепел вокруг, чтобы всё выглядело как старинный лагерь прошлого года, а затем полез на дерево.

Я думаю, что я просидел на дереве часа два. Я ничего не видел, я ничего не слышал – но сколько ужасающих видений за это время прошло предо мной! Ну, я, конечно, не мог оставаться там навсегда, так что, в конце концов я спустился на землю, но при этом я все время держался в густых зарослях и был настороже. Все, что я мог съесть, это были лесные ягоды и то, что осталось от прошлого завтрака.

К тому времени кругом была глухая ночь, я был довольно голоден. Поэтому, когда было хорошо и темно, в предраассветной тьме я перебрался на Иллинойский берег – это около четверти мили отсюда. Я пошёл в лес и приготовил ужин, и я решил, что останусь там всю ночь, когда у слышал далёкое кланц-кланц, кланц-кланц и подумал: это лошади, и скоро здесь будут люди. Я как можно быстрее опять скинул все на каноэ, а затем пробрался сквозь лес, чтобы узнать, кто тут лазит по ночам. Я был ещё в пути, когда услышал, как какой-то тип говорит:

– Места лучшего, чем здесь, всё равно не найти! Лошади совсем выбились из сил. Поищем стоянку здесь! Может, что-нибудь и найдём!

Я не дождался, но толкнул лодку и легко скользнул от берега. Я переправился на старое место и решил провести ночь в каноэ.

Я почти не спал. Не мог, так или иначе, в голову всякая ерунда лезла. И каждый раз, когда я просыпался, я думал, что кто-то душит меня за шею. Так что ничего хуже этого сна трудно себе представить! Потихоньку я стал говорить себе: так жить нельзя! Мне всё-таки надо выяснить, кто это, кто здесь, на острове, со мной рядом? Надо разведать, хоть тут тресни. Ну, с этими мыслями мне стало много лучше, а потом и совсем полегчало.

Я схватил весло и скользнул вдоль берега всего лишь в шаг или двух от него, а затем позволил каноэ свободно скользить вниз среди теней. Луна сияла, и за пределами теней леса всё остальное было ярко, как днём. Я хорошо двигался, и на час, а может и больше, заснул и крепко спал довольно долго. К этому времени я уже сплавился к самому носу острова. Я шуровал веслом целый час, прохладный ветерок начал дуть, и вокруг было так хорошо, так тихо! Я сделал фортель веслом и с брызгами моя бравая посудина пошла к берегу. Затем я достал ружьё и выскользнул в край леса. Я уселся там на бревне и стал смотреть сквозь листья, как настоящий индеец Вицнапуцли Глотатель Портвейна. Вижу, что Луна уходит, и тьма начинает покрывать реку. Но через некоторое время вижу бледную полосу над верхушками деревьев и знаю, что наступает день. Поэтому я взял ружьё и стал красться к тому месту, где застал тлеющий костёр, и каждую минуту или две останавливался, чтобы послушать. Но мне не повезло – я так и не смог попасть на это место. Как так могло случиться? Пока я думал над этим, вдруг вижу – сквозь деревья мелькает какой-то маленький огонёк, похожий на мотылька. Я пошел на этот огонёк так осторожно и медленно, как мог только какой-нибудь опущенный лесной эльф. Думаю, не обжечься бы мне об этот чёртов блуждающий огонёк! Постепенно я пробрался достаточно близко, чтобы посмотреть, что там, а там на земле лежит какой-то двуногий типок. У меня штаны чуть мокрыми не стали от страха. У него было вокруг головы намотано одеяло, и его голова была совсем у края костра. Я замер в кустах, примерно в шести футах от него, и не сводил с него глаз. Незаметно пришло серое, мутное утро. Довольно скоро этот тип зашевелился, потом потянулся, стал зевать, стащил одеяло, батюшки, я узнал его, это был Джим – ниггер мисс Уотсон! Бьюсь об заклад, вам не понять, как я был рад увидеть его. Боже мой, какая удача! Я крикнул:

– Здорово, Джим!

И выскочил к нему

Он подпрыгнул как ужаленный и уставился на меня. Затем он упал на колени, сложил молитвенно руки и стал причитать:

– Акстись! Мертвечина! Иззыди, прах! Призрак! Не делай мне зла! Я не виноват! Я никогда не причинял вреда мёртвым! Чуф! Чуф! Чуф! Мне нравятся мертвые люди! Я сделал всё, что мог для них! Иди, призрак, иди в речную глубь, чур-чур, оставь меня в покое, гном! Я не хочу быть в ссоре со зловещими мертвецами!

Но хотя я уверял его в обратном, он долго не понимал, что я вовсе не мертвец, а довольно-таки жив. Наконец до него, как до жирафа, стало потихоньку доходить! Я был так рад видеть Джима. С ним я не чувствовал одиночества. Я сказал ему, что не боюсь, что он расскажет людям, где я был. Я говорил один, но он только стоял и смотрел на меня и не говорил ничего. Затем я говорю:

– Да! Хорошее сегодня утречко! Давай-ка завтракать! Джим, зажигай костёр!

– Какая польза от костра, если готовить нечего, кроме этой кислой земляники и прочей ерунды? Но у тебя есть ружьё, правда? Может быть, добудем что-то получше земляники?

– Земляника и прочая ерунда, – говорю я, – Это то, что ты жил?

– Я не мог достать ничего другого, – говорит он, – Этим и жил!

– Сколько ты на острове, Джим?

– С той ночи, как тебя убили.

– Что, все это время?

– Конечно!

– И ты ничего не ел кроме всякой дряни?

– Нет, больше ничего!

– Ну, ты, наверное, голоден, не так ли?

– Я могу съесть лошадь! Легко! Давно ты здесь?

– С той ночи, как меня убили!

– Не может быть! И что ты ел? У тебя ведь есть ружьё. О, да, у тебя есть ружьё! Это хорошо! Это здорово! Давай подстрели какую-нибудь живность, а я разведу огонь!

Между тем мы подошли к тому месту, где было каное, и, пока он разводил костёр на открытой площадке среди деревьев, я принёс еду: бекон и кофе, кофейник и сковородку, сахар и жестяные кружки. Бедный нигтер был просто потрясён открывшимся богатством, и счёл всё это колдовством. В придачу к этому я выловил большого жирного сома, и Джим выпотрошил его своим ножом и пожарил. Когда завтрак был готов, мы упали на траву и съели его с пылу – с жару. Джим нажимал на еду изо всех сил, потому что был голоден, как собака. Затем, когда мы нажрались до отвала, мы ушли отдыхать. Джим говорит:

– Но Гек, если ты живёхонек здесь, кто это сделал, кого убили в этой лачуге, если не тебя?

Тогда я рассказал ему все подробно, и он сказал, что это очень хитро подстроено было, он бы до такого никогда не додумался. Он подтвердил, что и сам Том Соьер не смог бы выдумать лучшего плана, чем то, что изобрёл я.

Затем я говорю:

– А ты как попал сюда, Джим? Как ты сюда попал?

Он замялся и минуту ничего не мог сказать. Затем говорит:

– Слушай, а можно я промолчу?

– Почему, Джим?

– Ну, причина есть. Но ты не скажешь никому, что я расскажу тебе, Гек?

– Будь я проклят, если скажу, Джим!

– Хорошо, я тебе верю, Гек. Я... я убежал.

– Джим!

– Но ты сказал, что не скажешь никому – знаешь, ты сказал, что не скажешь, Гек!

– Хорошо, ладно! Я сказал, что никому не скажу, и я выполню слово. Честное слово, клянусь! Пусть люди назовут меня низким аболиционистом, презреют меня и покроют позором за это, начхать на всех, это не имеет никакого значения. Я не собираюсь рассказывать никому, я не вернусь туда, во всяком случае. Пусть все знают об этом.

– Ну, видишь ли, дело было так. Старая мисс Уотсон, – она всё время клевала меня, придиралась ко мне, никакой жизни с ней не было, но она сказала, что не будет продавать меня в Орлеан. Но я заметил, что один работорговец что-то зачастил к нам, и я забеспокоился. Однажды ночью я подполз к двери, приложил к ней ухо, и вдруг слышу, как старый мисс говорит, что она готова продать меня в Орлеан, но, вроде, она этого не хотела, но ей предложили восемьсот долларов за меня, попробуй тут устоять перед таким мешком денег. В общем, вдова попыталась убедить её не делать этого, дальше я их разговора уже не расслышал, и не стал ждать ни минуты, чтобы услышать ответ. Говорю тебе, я просто быстро дал дёру!

Я высунул нос на холм, дай, думаю, спущусь к реке и умыкну чью-нибудь лодку там, повыше от города. Пока народ не разбежался, я спрятался в бочарной лавке на берегу, чтобы выждать, пока все разбредутся. Ну, и пробыл там всю ночь. Там всё время кто-то шатается! В шесть утра туда-сюда стали сновать лодки, и люди стали рассказывать, о том, что твой папаша примчался в город, и сказал, что ты убит. Потом дамы и господа двинулись для просмотра места преступления. Иногда они приставали к берегу, и они гуляли по берегу, вот по их разговорам я и узнал всё про это чудовищное убийство. Мне было ужасно жаль, что ты убит, Гек, но теперь всё это позади.

– Я пролежал на стружках весь день. Я был голоден, но ничего уже не опасался. Потому что я знал, что обе старые леди после завтрака уйдут к началу молитвенного собрания прочь, и я знал о том, что они вернутся только вечером. Они почти наверняка будут думать, что я ушёл пасти коров, и вспомнят обо мне только к вечеру. Слуги тоже не заметят моего отсутствия, с уходом старых леди они все разбежались по городу.

Ну, когда наступила темнота, я отправился по речной дороге, и прошел где-то две мили против течения туда, где уже не было никаких домов. По пути я обмозговал, что мне делать. Видишь ли, если я буду сидеть на корточках, и ничего не делать, меня настигнут собаки. Если бы я украл лодку, чтобы пересечь реку, они бы это просекли, узнали бы о краже лодки, и проследили бы мой путь. Итак, я сказал себе, плот – это то, что нужно. Он следов не оставляет.

Тут я вижу светлый огонёк д за поворотом, я сразу прыгнул в реку и поплыл. Впереди меня плыло большое бревно. Скоро я оказался на середине, и плыл, прячась за одинокими брёвнами, я грёб против течения, стараясь не поднимать головы и ожидая приближение большого плота. Наконец это случилось – я уцепился за корму плота и некоторое время плыл так. Потом, когда стало совсем темно, я влез на него и лёг с краю. Люди на плоту располагались в центре, рядом с большим фонарём, и я полагал, что мне удастся быть незамеченным. Река наращивала ход, я понимал, что часа через три-четыре я буду в двадцати милях ниже по реке, и перед самым рассветом покину плот и поплыву к берегу вплавь. И растворюсь в лесу на Иллинойской стороне реки.

– Но мне не повезло. Только мы сравнялись с островом, как человек с фонарём двинулся к корме, я вижу, ждать больше нечего, поэтому я прыгнул за борт и поплыл к острову. Ну, у меня было представление, что я вылезу где угодно, но всё было не так просто – берег оказался слишком крутым, и мне долго не удавалось вылезти из воды. Только спустя время мне удалось найти место, где было возможно вылезти из воды. Когда я вылез и вошёл в лес, я зарёкся плавать на плотках. Там слишком много разгуливающих фонарщиков, скажу вам по совести. У меня оставалась моя трубка в виде штифта, спички и пачка табаку в кепке, и они не намокли, так что все было в порядке.

– И всё это время у тебя не было мяса? Почему ты не искал черепах?

– Как ты её поймашь? На неё не кинешься, и камнем убить её нельзя! И ночью её не поймашь! А днём я прятался!

– Ну, это так! Конечно, ты должен был держаться подальше от людишек, жить в лесу все время. Ты слышал, как они палили из пушки?

– О да! Я знал, что это они тебя ищут! Я видел из-за кустов, как они кружили по реке и палили.

Какие-то молодые птахи прилетели. Полетают-полетают и сидят на ветке. Джим сказал, что это знак того, что будет ливень. Он сказал, что это знак, когда молодые куры летели таким образом, был ливень и поэтому он считал, что так же должны были поступать молодые птенцы. Я уже собирался подстрелить кое-кого из них, но Джим не позволил мне. Он сказал, что это смерть. Он сказал, что однажды отец сильно заболел, а дети поймали птицу, и его с бабушка сказала, что его отец умрет, и он и вправду скоро помер.

И Джим сказал, чтобы я и не думал рассчитывать на такой ужин, потому что он принесет большую беду. То же самое, как вытрясать после заката грязную скатерть. И он ещё добавил, что если владелец пчелиного улья помер, надо обязательно рассказать это пчёлам до наступления следующего утра, иначе пчелы ослабеют, будут бойкотировать работу и тоже помрут. Джим сказал, что пчелы никогда не жалят идиотов, но я не поверил в это, потому что я сам много раз пробовал, и они не жалили меня.

Раньше я слышал о некоторых из этих вещей, но не всех. Джим знал всевозможные знаки. Он заявлял, что знает об этом всё. Я заметил, что у него всё выглядит так, как будто все при знаки связаны только с неудачей или бедой, и поэтому я стал допрашивать его, нет ли каких-то признаков удачи. Он мне и говорит:

– Действенных почти нет! Да и использовать их нельзя! Зачем тебе знать, когда будет удача? Хочется скорее избавиться от неё?

И он сказал:

– Если у тебя есть волосатые руки и грудь, это верняк – знак того, ты быстро разбогатеешь. Ну, и некоторая польза от этого знака есть, да только когда на тебя такое счастье обрушится? Понимаешь, может быть, тебе придется долгое время влачить дикую нищету, что, если не знать, что потом придётся разбогатеть, можно сразу повеситься, и не дожить до богатства.

– А у тебя есть волосатые руки и волосатая грудь, Джим?

– Зачем задавать дурацкие вопросы? Разве ты не видишь сам?

– Ну, ты богатый?

– Нет, но я был как-то богатеem, и думаю, богатство от меня далеко не убежит! Парниша, у меня было четырнадцать баксов, но увлёкся спекуляцией и был разорен!

– И чем ты спекулировал, Джим?

– Для начала – скотом!

– Интересно, каким?

– Живой скотиной! Я купил за десять баксов корову. Но с тех пор я не хочу так бросаться баблом на бирже! Корова сдохла у меня на руках!

– Значит, ты потерял десять баксов?

– Нет, я потерял не всё! Я потерял на ней девять баксов. И единственное – потом сбавил её труп за доллар и десять центов!

– Таким образом, у тебя осталось пять долларов и десять центов. Ты и ими спекулировал?

– Да. Вы знаете, что один одноногий ниггер, который прислуживает престарелому Мисто Брейдишу? Ну, он завёл банк, и объявил на весь свет, что если кто-нибудь положит в него доллар, то в конце года получит на руки четыре. Ну, все мои знакомые ниггеры внесли туда деньги, да только немного. А я был из тех, у кого было много денег. Только я держался за свои деньги, я говорю:

– Я не буду вкладывать, мне бы хотелось иметь свой банк!

Ну, конечно, этому ниггеру, кровь из носу, ниггеру хотелось удержать меня от бизнеса, и он говорит, что двум банкам в одной коробке из-под шляпы не разместиться, и он хочет сделать доброе дело и поэтому я могу положить пять долларов к нему в банк, и он заплатит мне тридцать пять долларов за год.

Ну, я так и поступил. Парень, я решил, что сразу же загребу тридцать пять баксов, и пушу их потом в оборот. Один знакомый ниггер по имени Боб, выловил в реке хорошую лодку, и это прошло мимо ушей его хозяина. Я купил у него эту плоскодонку и сказал ему что потом заплачу тридцать пять долларов, в конце года. Но лодку украли у меня в ту же ночь, а на следующее утро одноногий ниггер сообщил, что банк разорён в пух и прах. Так что ни у кого не осталось никаких денег! Ну, кроме оставшихся десяти центов!

– И что ты сделал с десятью центами, Джим?

– Что ж, сначала я что-то хотел сделать сам, но потом мне приснился пророческий сон, что я должен отдать их человеку с именем Валаам. Но это было его короткое имя, а на самом деле его звали Валаамский Осёл. Это был настоящий сельский придурок. Но ему повезло, он был счастливый придурок! Удачливый! Голос во сне тогда сказал, чтобы Валлам отдал мои деньги в рост и потом поделился доходами со мной. Так и вышло. Он взял деньги и когда был в церкви, наслушался проповедника, который сказал, что тот, кто подаст нищему, тот послужит Господу, и должен быть щедр, чтобы вернуть свои деньги назад многократно умноженными. Итак, Валаам, который забрал мои деньги, дал десять центов нищему на паперти и стал ждать, что из этого выйдет...

– Ну и что из этого вышло, Джим?

– Ничего не вышло! Я не получил деньги назад, Валлам тоже ничего не получил! Балуму тоже ничего не досталось! Так бесследно пропали мои последние десять центов! Я больше денег в долг не даю! Проповедник сказал, что деньги вернутся в стократном размере! Если бы я мог вернуть десять центов назад, я бы назвал это чудом, и был бы страшно рад этому!

– Ну, все равно, Джим, не грусти, ты снова, как пить дать, разбогатеешь!

– Да! Я и теперь я богатый, посмотри на меня! Я свободен, и меня хотели продать за восемьсот долларов! Мне бы так хотелось, чтобы эти деньги попали ко мне, о большем я и не мечтаю!

ГЛАВА IX

Я хотел пойти и посмотреть на то место прямо посередине острова, которое я нашел, когда изучал его, поэтому мы отправились туда и вскоре добрались до него, потому что остров был всего в три мили и длиной в одну четверть мили в ширину. Это место было длинным, крутым холмом или гребнем около сорока футов высоты. Чтобы добраться до вершины, нам пришлось попотеть, склоны были настолько крутыми, кусты такими густыми, а лианы были такими толстыми, что мы едва продвигались вперед. Мы исходили его вдоль и поперёк, и в конце концов нашли хорошую большую пещеру в скале, одну из тех, которые были на вершине на стороне Иллинойса. Пещера была большой, примерно как две или три довольно вместительные комнаты, и Джим мог стоять в ней во весь рост. Внутри пещеры было прохладно. Джим был за то, чтобы сразу же перенести сюда все наши пожитки, но я сказал, что не стоит всё время подниматься и опускаться. Джим сказал, что если мы спрячем каноэ в укромном месте и схороним наши вещи в пещере, то будем совершенно незаметны для тех, кто случайно попал на остров, и они никогда не найдут нас здесь без собак. И, кроме того, он сказал, что маленькие птицы предсказали дождь, а я вроде бы хочу, чтобы все промокло?

Так мы вернулись, на каноэ, доплыли почти до пещеры, и перетаскали туда все вещи. Затем в ивовых зарослях мы нашли потайное место для нашего каноэ. Попутно мы сняли несколько рыбин с крючков, снова поставили удочки и начали готовиться к ужину.

Вход в пещеру был достаточно широк, в него мог бы свободно войти бочонок средних размеров, а на одной стороне двери пол немного возвышался, и был идеальным местом для очага. Там мы и устроили очаг, и приготовили обед.

Прямо на полу мы разложили одеяла и пообедали. Всё остальное мы складировали в задней части пещеры. Скоро вокруг стало темно, и начался такой гром с молниями, что хоть святых выноси, в общем, птицы оказались правы. Хлынул сильный ливень, и вода хлестала так яростно, а ветер задувал так сильно, что я понял, что никогда не видел ничего подобного. А меж тем это была одна из обычных здесь летних бурь. Вокруг было бы так темно, что все выглядело сине-черным и невероятно прекрасным, и дождь шёл такой сильный, что деревья на небольшом удалении уже выглядели тусклыми пауками в паутине, и я видел, как порывы вдруг усилились, потом всё вроде успокаивается, а то вдруг неожиданно налетит свирепый порыв ветра, и деревья гнутся и листья на ветках выворачиваются своей внутренней стороной, и наконец после этого налетает самый свирепый порыв и ветви как скрюченный руки выбрасываются вверх в диких и порывистых движениях, а затем, когда всё уgomонится в самой синей и самой черной тьме – вдруг – вспышка! Она была такой же яркой, как Солнце, и ярко на сотни ярдов или даже дальше вокруг осветились верхушки деревьев, бешено раскачиваемые бурей. И через секунду снова адская тьма, и ужасный гром, прокатывающийся по небу, а затем снова грохот, урчание разозлённый небес, всё ниже, всё тише, клочкотание, уходящее в сторону, как будто кто-то катит пустые бочки вниз по небесной лестнице – какая это длинная лестница, и бочки хорошо прыгают по ней, не правда ли?

– Джим, как тут здорово! – говорю я, – Нигде мне не было хорошо, как здесь! Передай-ка мне еще один кусок рыбы и кукурузный хлеб!

– Ну, что бы ты делал, если бы Джима не было, парень? Ты мог бы остаться в лесу без обеда, и, конечно же, утонул бы, или вымок до костей, мой дорогой! Цыплята знают, когда будет дождь, и птицы тоже.

Река продолжала подниматься и подниматься десять или двенадцать дней, пока, наконец, не вышла из берегов. На острове в низинах вода стояла глубиной три или четыре фута и на стороне Иллинойса тоже. С этой стороны река разлилась на много миль, но на стороне

Миссури сохранилось старое русло – шириной в полмили – потому что берег Миссури был просто стеной высоких, острых скал.

В дневное время мы колесили по всему острову на каноэ. Когда Солнце жарило всюду снаружи, в лесах всегда была глубокая и прохладная тень. Мы пробирались и карабкались среди деревьев, шли по тропинкам, и иногда лозы дикого винограда висели так густо, что нам приходилось выбирать и искать другой путь. Ну, на каждом старом сломанном, гнилом бревне мы видели кроликов и змей и всякую другую прежде весёлую живность, и через день или два половодья, без еды они стали почти ручными, и их можно было брать руками, за исключением, конечно, змей и черепах, которые могли соскользнуть в воду. Хребет, на котором была наша пещера, просто кишел ими. Если бы мы захотели, мы могли бы завести массу домашних животных.

Однажды ночью мы поймали небольшую часть деревянного плота, состоящего из очень красивых сосновых досок. Он был двенадцати футов в ширину и около пятнадцати или шестнадцати футов в длину, а верх того возвышался над водой шесть или семь дюймов и сверху был твердый ровный пол. Иногда мы уже видели, как в дневное время бревна идут по реке мимо нас, но мы пропускали их мимо, при дневном свете мы прятались в пещере. Еще ночью, когда мы поднялись на вершину острова, как раз перед дневным светом, мы увидели ещё один плот, идущий с западной стороны. Это был целый дом. Он был двухэтажный и сильно наклонён. Мы подплыли к нему и залезли на верхний этаж. Но было слишком темно, поэтому мы сели в каноэ, привязали его, чтобы дожидаться дня. Как только стало светло. Мы снова подплыли и заглянули в окно. Внутри был стол и кровать, два старых стула и много вещей навалено на полу, и на стене висела одежда. В дальнем углу лежало что-то смутно похожее на мужчину. Поэтому Джим говорит:

– Здорово!

Но человек не двигался. Поэтому я снова крикнул что-то, а затем Джим сказал:

– Этот мужчина не спит – он мёртв. Будь здесь – я пойду и посмотрю!

Он пошел, наклонился и посмотрел и говорит:

– Это мертвец! Да, действительно. голый, кстати! Его застрелили в спину! Я уверен, что он мертв уже два-три дня. Иди сюда, Гек, но не смотри ему в лицо – это слишком страшно!

Я вообще не смотрел на него. Джим набросил на него какие-то старые тряпки, но ему не нужно было этого делать – я и так не хотел его видеть. На полу лежали кучи старых жирных карт, пустые бутылки виски и несколько масок, сделанных из черной ткани; и по всей стене была написана матерная ругань и рисунки древесным углем. На стене висело два старых грязных ситцевых платья, солнцезащитный козырёк на лоб и женское бельё, ну и всякая рабочая мужская одежда. Многие мы перенесли в челнок – это могло нам пригодиться в будущем. На полу валялась старая соломенная шляпа, размером прямо по мне. Я её тоже взял. Тут же была бутылка с молоком, и у нее была тряпичная пробка, еда для сосунка. Мы взяли бы и бутылку, но она была расколота. Был страшно истёртый сундук, и старый чемодан со сломанными замками. Они были открыты, и в них не было ничего, что было бы нам нужно. По тому, как все было разбросано, было видно, что дом был покинут в спешке, и хозяева вынуждены были бросить большинство вещей.

У нас теперь был старинный оловянный фонарь и мясницкий нож без ручки и в придачу к нему новый раскладной нож Барлоу, который стоит полбакса в любой лавке, много сальных свечей, подсвечник из олова, тыква, оловянная чашка, старое стёганое одеяло, дамская сумочка с иглами, крючками и пчелиным воском, пуговицами и катушками ниток внутри, и прочей мелочью в нём, топорик и гвозди, удилище толщиной с мой мизинец с чудовищными крючками на нём и рулон оленьей кожи, кожаный ошейник и подкова, а также несколько флаконов с лекарствами без этикеток, и также, когда мы уходили, я нашел пригодный к использованию хороший костяной гребень, и Джим нашел старый смычок от скрипки и деревянную

ногу. Конечно, ремни были все порваны, но, честно говоря, что это была вполне хорошая деревянная нога, хотя она было слишком длинна для меня и слишком коротка для Джима, и мы не смогли найти другой ноги, хотя искали повсюду.

Так что, если брать на круг, мы сделали хорошие приобретения. Когда же пришло время отваливать, мы были на четверть мили ниже острова, и день был в зените, поэтому я заставил Джима лечь на дно каноэ и прикрыться одеялом, не то, если бы он был виден людям, они могли сказать, что он ниггер. Я направил лодку к берегу Иллинойса и пролетел почти полмили по течению. А потом держался мертвой воды у берега. У нас не было никаких аварий, и мы толком никого не видели. Так мы вернулись домой.

ГЛАВА X

После завтрака я хотел поговорить с Джимом о мертвеце и угадать, как его убили, но Джим не захотел даже слушать об этом. Он сказал, что это обязательно принесёт неудачу; и, кроме того, сказал он, мертвец может прийти к нам, он сказал, что человек, который не похоронен, с большей вероятностью отправится блудить по миру, шататься абы где, не то, что тот, кого закопали в землю. Это звучало довольно разумно, поэтому я прекратил с ним перепалку, но при этом я не мог удержаться от мыслей об этом страшном деле, и хотел всё-таки понять, кто и зачем стрелял в этого человека, и за что его в конце концов убили.

Мы порылись в одежде, которая лежала теперь у нас в пещере, и нашли восемь долларов серебром, зашитых в подкладке старого одеяла. Джим сказал, что он думает, что эти люди в доме украли пальто, потому что, если бы они знали, что деньги там, они не оставили бы этого одеяла. Я сказал, что считаю, что они его и убили, но Джим не хотел об этом и слышать. Я говорю:

– Теперь ты думаешь, что это к беде, но что ты сказал, когда я приволок змеиную кожу, которую я нашел на вершине хребта позавчера? Ты сказал, что худшее несчастье в мире коснуться змеиной кожи руками. Ну, вот твоя неудача! Мы загребали всю эту кучу товаров и еще восемь долларов впридачу к ним. Хотелось бы, чтобы у нас были такие неудачные дни всё время, Джим!

– Это ничего не значит, дорогой, вообще ничего не значит! Держи себя в руках! Всё ещё впереди! Поверь мне! Беда ещё впереди! Всё очень просто! Тучи не сразу грядут!

И то, что он накаркал, наконец наступило. Это был вторник, когда у нас был этот разговор. Ну, а после обеда в пятницу мы лежали в траве на верхнем конце хребта и оказались совсем без табака. Я пошел в пещеру за своими запасами табака, и нашел там гремучую змею. Я убил её и, свернув кольцом, положил её под одеяло Джима, там, где у него должны быть ноги, вот, думаю, будет веселуха, когда Джим найдёт у себя змею. Ну, ночью я совсем забыл об этой змее, и когда Джим бросился на одеяло, пока я зажигал свет, туда забралась подружка нашей змеи и укусила Джима. Он зашёлся от крика, и первое, что показал свет, – это мерзкая гадюка, свернувшаяся и готовая к новой атаке на Джима. Я уколошил через секунду палкой и эту тварь, а Джим схватил кувшинчик виски и начал вливать виски в глотку. Он был босиком, и змея укусила его прямо в пятку. Все это из-за того, что я был таким глупым и наивным, чтобы забыть, что везде, где вы оставляете мертвую змею, её любовница всегда приходит туда и вьётся вокруг неё. Джим сказал мне отрубить голову змеи и выбросить её, а затем ошкурить её и поджарить кусочками на огне. Я сделал это, и он съел его и сказал, что это поможет ему вылечиться. Он заставил меня снять со змеи трещалку и привязать к его запястью. Он сказал, что и это поможет. Затем я тихонько выскользнул и забросил змей куда подальше в кусты, я меньше всего желал, чтобы Джим узнал, что это была моя вина, вроде, я просто хотел помочь ему.

Джим сосал и тянул из кувшина, и время от времени он приходил в себя, потом снова буянил и кричал; но каждый раз, когда он приходил в себя, он снова засасывал из кувшина. Его ступня опухла довольно сильно, и так же как его нога выше ступни, но пьянство оказывало действие, и поэтому я понял, что с ним будет всё в порядке. Но лучше уж змеиные укусы, чем виски папы.

Джим провалялся четыре дня и четыре ночи. Затем опухоль спала, и он снова встал на ноги. Я решила, что больше не буду связываться со змеиной кожей, ясно, что из этого получилось. Джим сказал, что он рассчитывает, что я ему поверю в следующий раз. Он был уверен, что обращение с змеиной шкурой было такой ужасной неудачей, что, возможно, нам еще не аукнется в будущем. Он сказал, что он видит новую Луну через левое плечо в тысячу раз лучше, чем один раз тронуть змеиную кожу. Ну, я и сам так чувствовал, хотя и всегда счи-

тал, что смотреть на новую луну над вашим левым плечом – одна из самых нелепых и глупых вещей, которые может сделать дурачок. Старый Хэнк Бункер сделал это один раз и похвалялся этим; и менее чем через два года он страшно напился и упал с каретки, и расплющился так, что был просто своего рода слоем на бутерброде, как вы могли бы сказать; его засунули между двумя дверцами от сарая и похоронили так, все они так говорили, но я сам этого не видел. Папа рассказывал мне. Но так или иначе, он смотрел на Луну через плечо, как последний дурак.

Ну, прошли дни, и река снова вошла в берега, и первое, что мы сделали, было насадить на огромный крючок целого кролика и забросить приманку. Мы тогда поймали сома, ростом с человека, длиной шесть футов два дюйма. Он весил более двухсот фунтов. Конечно, сами мы бы с ним не справились; он уволок бы нас в Иллинойс. Мы просто остановились и смотрели, как он рвет и мечет. Так продолжалось, пока он не подох. У него в пузе мы нашли латунную кнопку, круглый белый шар и много всякого мусора. Мы раскололи шар топором, и в нем оказалась катушка с нитками. Джим сказал, что должно пройти было много времени, чтобы в животе у рыбы катушка превратилась в шар. Я думаю, что это была самая большая рыба, какая когда-либо попадалась в Миссисипи. Джим сказал, что он никогда не видел сомов больше этого. В деревне за него дали бы хорошую цену. Они торгуют такой рыбой на фунты, как на рынке, все покупают куски на выбор, у сома мясо белое, как снег, и хорошо обжаривается.

На следующее утро я сказал Джиму, что мне стало скучно, и я хотел как-то поднять настроение. Я сказал, что проскочу через реку в город и разведу, что там происходит. Джиму это понравилось; но он сказал, что я должен пойти в темноте и смотреть в оба. Затем он посопел носом и сказал: не стоит ли мне надеть некоторые из старых вещей и нарядиться, как девочка? Это была прелестная идея! Джим просто блеснул интеллектом! Таким образом, мы обрезаем одно из ситцевых платьев, и я закатал брюки до колен и влез в него. Джим застегнул сзади все крючки, и оказалось – оно было сшито словно по мне. Я нацепил солнечный капор и завязал его под подбородком, и благодаря этому заглянуть мне в лицо стало не легче, чем в печную трубу. Джим сказал, что никто не узнает меня, даже днём, вряд ли узнает. Я тренировался и практиковал весь день, чтобы попривыкнуть к новому прикиду, и в конце концов стал чувствовать себя в этом в платье очень хорошо, только Джим сказал, что я не умею ходить, как девочка – у них походка другая, и он добавил, что я должен бросить дурную привычку без толка шарить по карманам. Я согласился и всё пошло как по маслу.

Я двинул в каноэ вдоль берега Иллинойса сразу после наступления темноты.

Я подошел к городу чуть ниже пристани, и течение отнесло меня на окраину. Я привязал каноэ и пошёл по берегу. В маленькой лачуге горел свет, меня там уже долго не было, и я подумал, кто там теперь живёт. Стараясь не шуметь, я подкрался и заглянул в окно. Там была женщина лет сорока, вязавшая при свече. Свеча стояла на сосновом столе. Я не узнал её лица, она была явно пришлая, потому что в городе не было лица, которое я бы не знал. Мне везло, хотя я как-то стал слабеть духом. Я испугался, что пришел сюда – люди могут узнать мой голос и открыть меня. Но если бы эта женщина жила в этом маленьком городишке всего пару дней, она могла бы рассказать мне всё, что я хотел знать, поэтому я постучал в дверь и решил, что ни в жизнь не забуду, что я девушка.

Глава XI

– Проходите, – говорит женщина, ну, я так и сделал. Она говорит:

– Возьмите стул!

Я так и сделал. Она посмотрела на меня своими блестящими глазами и сказала:

– Как тебя звать, дитя моё?

– Сара Уильямс.

– Где ты живёшь? Поблизости?

– Не-а! В Хуквиле, семью милями ниже. Я шла оттуда пешком и очень устала.

– Тоже небось проголодалась. Сейчас что-нибудь сообразим!.

– Нет, я не голодна. Я была так голодна, что мне пришлось зайти на ферму в двух милях отсюда, и теперь я не хочу есть. Вот почему я так припозднилась. Моя мать больна, и денег у нас пшик, и я пришла поведать об этом моему дяде Абберу Муру. Она живет в верхнем конце города. Я никогда не была здесь раньше. Вы знаете его?

– Нет, я еще не знаю тут всех. Я не живу здесь и двух недель. Тот край города очень далеко. Ты знаешь... Тебе лучше остаться здесь на всю ночь. Снимай свой капор.

– Нет, – говорю я, – Я просто немного отдышусь, и думаю, пойду дальше. Я не боюсь темноты.

Она сказала, что не позволит мне идти одной, но её муж придёт, может быть, часа через полтора, и она отправит его вместе со мной. Затем она рассказала о своем муже и о её жизни с ним, о её родне, живущей вниз по реке, родне, живущей вверх по реке и о том, насколько раньше им лучше жилось, что они допустили ошибку, переселившись в этот город, вместо того, чтобы просто жить отдельно – и так далее и так далее, пока я не стал опасаться, не сделал ли я ошибку, придя к ней, чтобы узнать, что происходит в городе. Но в конце концов её болтовня перешла на колпак и моё убийство, а затем я очень охотно позволил ей балагурить. Она рассказала обо мне все детали, и Том Сойер нашел шесть тысяч баксов (только она посчитала их как десять тысяч), и все раскумекала о моём папе и о том, какой он был тяжелый и злой человек, и о том, какой я был тяжелый фрукт, и, наконец, она добралась до того места, где меня благополучно уколошили. Я говорю:

– Кто это сделал? Мы много слышали об убийстве Хукервилле, но мы не знаем, кто из них убил Гека Финна.

– Что ж, я думаю, что и здесь найдётся много таких, которые хотели бы узнать, кто его убил. Многие уверены, что это совершил старик Финн.

– Не может быть!

– Большинство из так и думали с самого начала. Он никогда не узнает, как близко был от линчевания. Но к ночи мы передумали и решили, что это сделал беглый негр по имени Джим.

– Почему он ...? – тут у меня спёрло в горле и я остановился. Я считал, что лучше успокоиться и умолкнуть. Она бегала и ничего не замечала, так и не услышала, что я там сказал:

– Ниггер убежал той самой ночью, когда убили Гека Финна. Итак, за него есть вознаграждение – триста долларов. И есть еще одна награда за старика Финна – тоже двести долларов. Понимаешь, он пришел в город утром после убийства, рассказал об этом и отправился с ними нискать на пароме и сразу после него скрылся. До ночи они хотели его линчевать его, но он исчез, понимаешь. Ну, на следующий день они узнали, что ниггер тоже ушел; они узнали, что никто не видел его после десяти часов в ночь убийства. Значит, они стали вину валить на него, и в то время как они все поверили в это, на следующий день, возвращается старый Финн, является к судье Тэтчеру, чтобы получить деньги для поиска и облавы ниггера по всему Иллинойсу. Судья дал ему кое-что, и в тот вечер он напился как свинья и около полуночи шлялся

езде с несколькими подозрительными типами, а затем пропал с ними. Ну, он не вернется, и никто не ждёт его обратно, пока эта грязь не уляжется немного, потому что теперь люди думают, что он убил своего сына и разбросал вещи, чтобы люди думали, что это сделали грабители, а затем он тихой сапой сцапает денежки Гэка, и не надо будет впустую судиться. Хотя люди говорят, что он не способен убить человека. О, это великий хитрюга, я считаю. Если он не вернется в течение года, с ним все будет в порядке. Знаешь, ты ничего не можешь доказать, когда все успокоится, и он захапает денежки Гека так же просто, как сказать «Тфу!»

– Да, я так считаю. И ничего не вижу в этом зазорного. Неужели все перестали думать, что ниггер сделал это?

– О, нет, не все. Многие считают, что это сделал он. Но скоро они выловят этого ниггера, и, может быть, услышат от него правду.

– Что, его до сих пор не поймали?

– Ну, ты просто сама наивность! Скажи мне, триста долларов всё время на дороге валяются? Некоторые люди полагают, что ниггер далеко отсюда уйти никак не мог. Я одна из них, но пока предпочитаю помалкивать. Несколько дней назад я разговаривала со старой четой, которая живет по соседству в бревенчатых трущобах, и они, случалось, говаривали, что никто никогда не отправлялся на этот остров вон там, они называют это Островом Джексона.

– Разве никто там не живет? – спрашиваю я её.

– Нет, никто, – говорит, – не живёт. Я больше с ними ни о чём не говорила, но я подумала, я была почти уверена, что за день до этого видела там дым, прямо на голове острова, за день или два до этого, поэтому я сказала себе, Кто бы это ни был, но кто-то скрывается там, во всяком случае, подумала я, это стоит того, чтобы прорыскать там всё. С тех пор там я не видела дыма, поэтому я думаю, что он сбежал оттуда, ну, разумеется, если это был он, но мой муж решил сгонять туда вместе с соседом. Он поднялся по реке, но сегодня он вернулся, и я рассказала ему, как только он вернулся сюда два часа назад.

Мне стало так неловко, что я не мог успокоиться. Я должен был что-то делать с руками, они дрожали у меня, поэтому я взял иглу со стола и стал пытаться вдеть в неё нитку. Мои руки дрожали, и я плохо справлялся с этим. Когда женщина перестала говорить, я поднял глаза, и она смотрела на меня с нехорошим любопытством и немного улыбалась. Я вдел нитку в иглу, и стал делать вид, что заинтересовался этим, да тамк оно и было... я тоже... Я сказал: -Триста долларов – это сила! Я бы хотел, чтобы моя мать могла бы их получить. Сегодня твой муж идет туда?

– О да, – сказала она, – Он отправился в город с человеком, о котором я вам рассказывала, чтобы получить лодку и посмотреть, смогут ли они взять какое-то оружие. Они пойдут после полуночи. —А не лучше ли будет подождать до утра, чтобы лучше видно было?

– Да. И не сможет ли ниггер видеть лучше? После полуночи он, скорее всего, будет спать, и они могут проскользнуть через лес и увидеть костёр в лагере, тем более, что негр его разведёт наверняка.

– Я об этом не думала!

Женщина продолжала смотреть на меня довольно пристально, и я чувствовал себя не очень комфортно. Довольно скоро она говорит:

– Как ты сказала, твоё имя, дорогая?

– М-Мэри Уильямс!

Мне почему-то показалось, что я раньше сказал – Мэри, поэтому я не смотрел на неё – мне показалось, что когда я сказал, что это Сара, я загнал себя в угол, и мне было страшно, может быть, поэтому я и не смотрел ей в лицо. Я хотел, чтобы женщина добавила что-нибудь еще, чем дольше длилось её молчание, тем дурнее мне становилось. Но тут она говорит:

– Дорогая, я слышала, когда ты только пришла, ты сказала, что ты Сара?

– О, да, я говорила, что я Сара Мэри Уильямс. Сара – мое имя. Некоторые зовут меня Сара, некоторые – Мэри.

– Вот как?

– Да мэм!

Тогда я почувствовал себя лучше, но мне хотелось убраться отсюда поскорее. Я не поднимал глаз.

Хорошо, что женщина тут заговорила без остановки. Она говорила, о том, какие настали тяжёлые времена, о том, в какой бедности они живут, и как крысы совсем обнаглели, и ведут себя, в доме, как хозяева. И всё в таком же духе. Потихоньку мне полегчало. Она была права относительно крыс. Я сам видел, как одна из них вытаскивала нос из норы в углу. Она сказала, что у нее всегда должна быть под руками какая-то вещь, чтобы можно было бросить в них, а иначе они не дадут ей покоя. Она показала мне свинчатку, закрученную в узел, и сказала, что раньше она хорошо справлялась с этим, но она пару дней назад вывернула руку, и теперь не знает, сможет ли бросить теперь. Она наблюдала за крысой и как-то швырнула свинец в крысу, но промазала и сказала: «Ой!», так больно ей было. Затем она попросила меня бросить в следующий раз. Я хотел уйти, пока старик не вернулся, но, конечно, я виду не казал. У меня получилось с первого раза, и первая крыса, которая показала его нос, точно попала бы под мою свинчатку, если бы осталась там, где была, я бы сделал её инвалидом. Она сказала, что удар первоклассный, и она уверена, что в следующий я попаду в точку. Она пошла к норе, взяла кусок свинца и отдала его обратно мне, а потом принесла мне кусок пряжи, которую я должен был помочь ей перемотать. Я поднял две руки, и она положила на них пряжу и продолжила говорить без умолку о своих делах и делах мужа. Но тут она замолчала, чтобы сказать:

– Ну, ладно, и всё же, как тебя зовут на самом деле?

– Чт-что, мэм?

– Как твое настоящее имя, говорю? Билл, или Том, или Боб? – или что ещё?

Наверное, я задрожал, как осиновый лист, и почти не знал, что делать. Но я наконец сказал:

– Пожалуйста, не шутите над бедной девушкой, пожалейте меня, мэм. Если я вас затрудняю, я...

– Нет, не затрудняешь! Присядь и сиди здесь. Я не собираюсь причинять тебе боль, и я не собираюсь говорить об этом, дурачок. Просто расскажи мне свой секрет и доверься мне. Я сохраню его, и, более того, я помогу тебе. Как и мой старик, если хочешь. Видишь ли, ты просто сбежавший ученик, вот и все. Это вообще ничего не значит. В этом нет ничего плохого. С тобой плохо обращались, и ты решил сбежать. Благослови тебя Бог, дитя мое, я никому не расскажу о тебе. Расскажи мне все о себе сейчас, добрый мальчик.

Ну, тут, само собой, я сказал, что больше не буду пытаться врать, и я просто чистосердечно расскажу ей все, только если она сдержит слово. Тогда я сказал ей, что мой отец и мать умерли, и меня отдали старому фермеру, его дом в тридцати милях вниз по реке, и он относился ко мне так плохо, что я не мог больше выдерживать это, и как-то раз он ушел, ушел на пару дней, и поэтому я использовал свой шанс, и, украв некоторые старые вещи его дочери, сбежал подобра-поздорову, и я уже три ночи в бегах, и прошёл уже тридцать миль. Я путешествовал по ночам, и прятался в дневное время, когда спал, и мешок с хлебом и мясом, который я унёс из дому, пригождался мне всю дорогу, и у меня было много еды. Я сказал, что верю, что мой дядя Абнер Мур позаботится обо мне, и поэтому я пришёл в этот город – Гошен.

– О, мой мальчик! Это не Гошен! – сказала она, покачивая головой, – Это Санкт-Петербург! До Гошена десять миль по реке. Кто тебе сказал, что это Гошен?

– Ну, человек, которого я встретил сегодня утром на рассвете, как раз тогда, когда собирался лечь спать в лесу. Он сказал мне, что когда дороги разветвляются, я должен взять по правую руку, и через пять миль я приду в Гошен.

– Он был пьян, я полагаю. Он сказал тебе совершенную ерунду.
– Ну да, он вел себя так, будто был слегка пьян, но сейчас это неважно. Я должен идти дальше. Я дойду до Гошена к рассвету.
– Подожди минутку. Я дам тебе перекусить. Тебе это может понадобиться.
Она подождала, пока я ел и говорит:
– Скажи, когда корова ложится, какой стороной она поднимается? Ответьте на вопрос сейчас же, не думай! Какой конец встает первым? Хвост или рога?
– Хвостом!
– Ну а как встаёт лошадь?
– Лошадь? Передом!
– На какой стороне дерева растёт мох?
– На северной!
– Если пятнадцать коров бродят по косогору, то сколько из них пасутся с головами, в одну сторону?

– Целых пятнадцать, мэм!
– Ну, я думаю, что ты жил в сельской местности. Я подумала, может, ты снова пытаешься меня обмануть. Как тебя зовут на самом деле?»

– Джордж Питерс, мэм.
– Ну, постарайся запомнить это, Джордж. Не забудь перед уходом сказать мне, что ты Элекзандер, а потом убирайся, сказав, что ты Джордж Элекзандер, когда я тебя поймаю. И не ходи в женском прикиде, тебе не идёт шастать в этом старом ситце. Ты изображаешь бедную девушку настолько сносно, чтобы обмануть глупых мужчин, и то, может быть. Благослови тебя Бог, дитя, когда ты начинаешь вдевать нитку в иголку, не держи нитку неподвижно и не тащи к ней иглу – держи иглу неподвижно и тыкай в нее ниткой, так обычно делает женщина, но мужчина всегда делает это наоборот. И когда ты бросаешь в крысу чем-нибудь, приподнимись на цыпочках и подними руку над головой так неловко, как только можешь, и промахнись на шесть-семь футов. Бросай жестко руку от плеча, как будто там стержень, чтобы это выглядело, как у девочек, а не от запястья и локтя, как мальчик. И, заметь – когда девушка пытается поймать что-нибудь на коленях, она раздвигает колени, она не хлопает ими вместе, как ты это делал, когда ловил кусок свинца. Я заметил а, что ты мальчишка, когда ты иголку втыкал. И я придумала все остальное, чтобы убедиться в этом. А теперь иди к своему дяде, Сара Мэри Уильямс, Джордж Элекзандер Питерс, и если у тебя будут неприятности, ты пошлешь весточку миссис Джудит Лофтус, то есть мне, и я сделаю все, что смогу, чтобы вытащить тебя оттуда. Дорогой держись реки до конца, и в следующий раз, когда будешь бродяжничать, возьми с собой обувь и носки. Речная дорога каменистая, и твои ноги будут в таком состоянии, когда ты доберешься до Гошена, я думаю, тебе мало не покажется!

Я поднялся на берег и прошёл метров пятьдесят, а потом по своим следам шмыгнул туда, где было мое каноэ, на довольно приличном состоянии от дома. Я вскочил в каноэ и дал дёру. Я прошёл вверх по течению достаточно далеко, и обогнул голову острова, а потом двинул наперерез. Я снял капор, потому что в нём я с чёрта лысого ничего не видел. Когда я был примерно в середине, я услышал, что часы начали бить, поэтому я остановился и прислушался; звук пришёл слабый над водой, но ясный-одиннадцать часов. Когда я причалили к острову, ударившись килем в песок, я не стал дожидаться милостей у природы, и хотя был сильно намотан, дунул что было сил прямо в лес, где раньше был мой старый лагерь, и зажёл там хороший костёр на высоком и сухом месте.

Затем я прыгнул в каноэ и страшно грёб до нашего места, в полтора миль ниже, грёб так сильно, как только мог. Я причалил, и долго пробирался сквозь лес, потом – по хребту, и в конце концов – в саму пещеру. Там лежал Джим. Он крепко спал на земле. Я разбудил его и сказала:

– Джим! А ну поднимайся и быстро собирай манатки! Нельзя терять ни минуты. Они охотятся за нами!

Джим никогда не задавал вопросов, и тут тоже не сказал ни слова, но то, но то, как он суеился следующие полчаса, говорило о том, как он напуган. К тому времени всё, что у нас было в этом мире, уже было на нашем плоту, и она была готова мгновенно сблизнуть из ивовой бухты, где она была спрятана. Мы потушили костер в пещере первым делом, и даже свечу не зажигали снаружи после этого.

Я вывел каноэ на простор и огляделся, но если вокруг и была какая-то лодка, я бы всё равно её не заметил, потому что звезды в тени не очень хорошо видны. Затем мы вывели плот и заскользили вниз по течению в тени, мимо подножия острова в страхе и мертвом молчании.

Глава XII

Должно быть, около часа ночи мы наконец добрались до острова, и плот, как нам казалось, двигался очень медленно. Если бы нам повстречалась, мы собирались на каноэ выскочить на берег Иллинойса. Хорошо, что лодка не появилась, потому что мы и не подумали положить ружьё в каноэ, или леску, или даже что-нибудь из еды. Мы так истошно гребли, что нам было не до рассуждений о многих вещах. Хотя понятно, что не стоило оставлять все вещи на плоту.

Если люди и отправились на остров, я думаю, они нашли костер, который я зажёл, и караулили его всю ночь, ожидая Джима. В любом случае, они были далеко от нас, и если мой костёр не смог их надуть, это было не по моей вине. Я хотел обмануть их, как только мог.

Когда показалась первая полоса восхода, мы пристали к буксирной башне на большом изгибе со стороны Иллинойса, и нарубили топором свежих веток, чтобы накрыть ими плот. Он должен был выглядеть так, будто на отмели была пещера. Хотя и так на песчаной косе толстые деревья сплетались как зубья драконов.

На берегу Миссури нас укрывали горы и грозный бор на стороне Иллинойса. Фарватер проходил ближе к берегу Миссури в этом месте, поэтому мы не опасались, что кто-то нас потревожит. Мы пролежали там весь день и наблюдали, как плоты и пароходы плыли вниз вдоль берега Миссури, и вязаные плоты и тяжело гружёные пароходы боролись с сильным течением посередине реки. Я все рассказывал Джиму о том, как болтал с этой женщиной, а Джим говорил, что она умная гнида, и если бы она сама пошла за нами, а не эти ослы, то не стала бы садиться и тупо смотреть на костер – нет, сэр, она сразу бы взяла собаку. Ну, тогда я спросил, почему она не могла сказать мужу взять собаку? Джим сказал, что он уверен, что она подумала об этом, когда мужчины уже были готовы начать охоту, и они должны были отправиться в город за собакой, а на это уж точно ушла уйма времени, иначе нас как пить дать не было бы в шестнадцати-семнадцати милях ниже деревни – нет, конечно, мы бы поневоле попали в тот же город. Ну, я ему сказал, что мне по фигу, по какой причине они не зацапали нас, если у них это всё равно не выгорело.

Когда уже начинало темнеть, мы высунули головы из чащи, и стали оглядываться вверх, вниз и поперек, ничего мы не увидели, поэтому Джим взял несколько верхних досок плота и соорудил плотный вигвам, чтобы залезть и спрятаться в жару и ливень, и чтобы все было сухо. Джим сделал пол для вигвама и поднял его на фут или выше уровня плота, так что теперь одеяла и все вещи были вне досягаемости волн парохода. Прямо в середине вигвама мы сделали слой грязи глубиной около пяти или шести дюймов с рамкой вокруг него, чтобы удерживать его на своем месте. Так можно было разжечь огонь в ненастную погоду или холода, вигвам не позволил бы его увидеть со стороны. Мы также сделали запасное рулевое весло, потому что одно могло в любой момент сломаться на зацепе или с ним могло случиться что-то еще. Мы установили короткую раздвоенную палку, чтобы повесить старый фонарь, потому что мы всегда должны были ночью зажигать фонарь, когда видим пароход, идущий вниз по течению, чтобы не быть задавленными, и мы не должны были бы зажигать его, когда пароход идёт вверх по течению, за исключением перекатов, где тоже нужно зажигать фонарь, уровень реки был довольно высок, очень низкие банки немного скрыты водой, таким образом, лодки не всегда шли по фарватеру, но рыскали в поисках попутного течения.

В эту вторую ночь мы кочевали семь или восемь часов, с потоком, который составлял более четырех миль в час. Мы ловили рыбу и говорили, и время от времени плавали, чтобы не заснуть. Это было очень здорово – плыть по большой реке, лёжа на спине и глядя на звезды, и нам никогда не хотелось говорить громко, и часто нередко мы смеялись – только тихим смешком. Стояла прекрасная погода, всё время, и с нами вообще ничего не происходило – ни той ночью, ни следующей, ни другими. Каждую ночь мы проходили мимо городов, некото-

рые из них были на черных склонах холмов, там всегда была просто кучка огоньков. А домов не было видно совсем. На пятую ночь мы проходили мимо Сент-Луиса, и это было похоже на то, как будто весь мир загорелся. В Санкт-Петербурге люди говорили, что в Сент-Луисе живёт двадцать или даже тридцать тысяч человек, но я никогда не верил в это, пока не увидел это прекрасное озарённое светом пространство в два часа ночи. Там не было слышно ни звука; все спали. Каждый вечер я обычно пробирался на берег примерно к десяти часам к какой-нибудь маленькой деревушке и покупал на десять или пятнадцать центов еды, бекона или чего-нибудь ещё, чтобы поесть; и иногда я прихватывал цыпленка, которому не сиделось на месте, и брал его с собой. Папа всегда говорил, возьми цыпленка, когда у тебя будет шанс, потому что, если ты не хочешь съесть его сам, ты всегда можешь легко найти того, кто это сделает с удовольствием за тебя, а доброе дело никогда не забывается. Впрочем, я никогда не видел папу, чтобы он сам не хотел цыплёнка, но говорил он всегда так.

Утром перед рассветом я бегал на кукурузные поля и заимствовал арбуз, или дыню, или тыкву, или свежую кукурузу, в общем, вещи такого рода. Папа всегда говорил, что в том нет особого греха, что ты одолжил чужие вещи, если ты не прочь вернуть долг через некоторое время; но вдова сказала, что это не что иное, как мягкое наименование воровства, и никакой приличный человек не сделает этого. Джим сказал, что он считает, что вдова была отчасти права, и папа был отчасти прав; так что лучший способ был бы для нас выбрать две или три вещи из списка и сказать, что мы больше их не займём ни когда, – тогда он считал, это позволит нам без особого вреда заимствовать все остальные. Поэтому мы проговорили об этом всю ночь, дрейфуя по реке, пытаясь решить, отказаться ли от арбузов, тыкв или дынь, или ещё чего. Но к дневному свету мы все это успокоились и пришли к выводу о том, чтобы бросить финиковые гроздья и лесные яблоки. Мы не чувствовали себя прямо перед этим, но теперь все было удобно. Я был рад тому, как это получилось, потому что финиковые гроздья никогда не бывают хорошими, а лесные яблоки не созреют еще два или три месяца. Мы время от времени умудрялись подстрелить дикую утку, которая рано вставала или не ложилась спать достаточно поздно. Нет, если считать всё на круг, мы жили довольно привольно. В пятую ночь под Сент-Луисом у нас был сильный шторм после полуночи с грозой и молнией, и дождь лился сплошной стеной. Мы остались в вигваме, и пусть плот сам позаботится о себе. Когда вспыхнула молния, мы увидели большую прямую реку впереди и высокие, скалистые скалы с обеих сторон. От неожиданности я крикнул:

– Хелло, Джим, посмотри-ка туда!

Это был пароход, который разбился на скале. Мы дрейфовали прямо к нему. Вспыхнувшая молния осветила всё с небывалой яркостью. Пароход наклонился и точал частью верхней палубы над водой, и мы могли видеть, с небывалой ясностью каждый шпенёк и кресло у большого колокола, со старой сутулой шляпой, висящей на спинке. Ну, это было ночью и в бурю, и все было так таинственно, что я чувствовал себя так, как чувствовал бы себя любой другой мальчик, видя мрачную жертву крушения, лежащую так печально и одиноко посреди реки. Мне захотелось залезть на борт этой посуды и спуститься внутрь и посмотреть, что там случилось. Поэтому я говорю:

– Джим, идём на абордаж!

Сначала Джим ерепенился и хорохорился против этого. Он говорит:

– Хватит тебе махать всякой ерундой! Какой пароход! Как говорится, не бери гниль – не завоняет! Да и помимо того, там наверняка есть сторож!

– Твоя бабуля там сторожит! – говорю я, – Сторожить там нечего, кроме каюты и лоцманской будки! И ты думаешь, что найдётся сумасшедший, готовый жертвовать своей жизнью ради каюты и лоцманской разбитой посуды, готовый каждое мне развалиться на скалах и пойти на дно?

Джим не смог ничего сказать в ответ, по моему он и не пытался.

– И кроме того, – говорю я, – мы могли бы взять что-нибудь стоящее из каюты капитана. Сигары, держу пари, минимум пять центов за штуку, солидные деньги. Капитаны пароходов всегда богаты и получают шестьдесят долларов в месяц, а они не заботятся о центах, когда им надо купить ценную, стоящую вещь. Держи свечу в кармане, я не успокоюсь, Джим, пока мы не пороемся там. Ты думаешь, Том Сойер стал бы медлить на нашем месте? Ни черта подобного! Ни за какие коврижки не стал бы медлить. Он назвал бы это приключением – вот как он это назвал, и он бы пошустрил тут, как надо, даже если помирал бы. Шикарный стиль! Он изобрёл бы какую-нибудь штуковину, как пить дать? Дал бы жару всем! Ты бы думал, что Христофор Колумб открыл что-то там и сделал презентацию Царства Божия! Как бы мне хотелось, чтобы Том Сойер был здесь, са нами!

Джим немного поворчал, но наконец сдался. Он сказал, что нам не стоит много болтать попусту, ничего это не даёт, и притом надо говорить очень тихо. Молния снова осветила мрачную картину кораблекрушения как раз вовремя, и тут мы достигли подъёмной стойки и быстро пристали и привязались к ней.

Потом мы влезли на палубу. Она была сильно накрена. Мы пробирались наклонной палубе в полной темноте, по направлению к рубке, чувствуя, как скользят ноги, при этом мы широко расставляли руки, чтобы ни на кого не наткнуться, потому что было темно, как в аду, и мы ни черта не видели. Довольно скоро мы упёрлись в световой люк и пролезли в него, следующий шаг привел нас к двери капитана, которая была открыта, и Джим скатился вниз по коридору, и тут, клянусь всеми святыми, ба, мы видим свет! и в ту же секунду, кажется, слышим низкие голоса вон там, внутри!

Мы переглянулись. Джим что-то шептал, но я не сразу его понял. Он сказал дрожащим голосом, что чувствует себя больным, хворым, сырым и покинутым, и просил, чтобы это я пошел вместо него. Я говорю, хорошо, и уже собирался вернуться на плот, когда как раз услышал голос. Кто-то и сказал:

– О, пожалуйста, не надо, мальчики! Прошу вас, не трогайте меня! Клянусь, я никогда никому не скажу!

Другой голос сказал довольно громко:

– Ты лжёшь, Джим Тернер! Хватит нас обманывать! Ты всегда хотел заполучить кусок побольше твоего рта, и всегда, когда тебе отказывали, ты грозил, что донесёшь на нас! Что бы ты не говорил теперь, тебе никто не поверит! Ты слишком много издевался над снами! Ты – самый злой пёс и самый большой предатель в этой стране!

К этому времени Джим уже отбыл на плот. Я с любопытством расхохотался и говорю себе: Том Сойер теперь не отступит, и я тоже этого не сделаю. Я постараюсь выяснить, что здесь происходит. Я тут же упал на колени и по низкому коридору пробирался в темноте на корму, пока между мной и рубкой осталась только одна каюта. Затем я увидел мужчину, растянувшегося на полу и связанного по рукам и ногам, и двух мужчин, стоявших над ним, и у одного из них был тусклый фонарь в руке, а у другого был пистолет. Он направлял пистолет в голову мужчины, лежащего на полу и говорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.